

• И В А Н •

ЛЮБЕНКО

ТАЙНА
ПЕРСИДСКОГО ОБОЗА

И Н Т Е Р Е С Н Ы Й   Д Е Т Е К Т И В

Иван Иванович Любенко
Тайна персидского обоза
Серия «Клим Ардашев», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444728

Любенко И. И. Тайна персидского обоза : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66972-1

Аннотация

Над старинным родом Игнатьевых витает жестокое проклятие, связанное с персидским золотом, перевоза которое в Россию погиб известный поэт статский советник Александр Грибоедов. Присяжному поверенному Климу Ардашеву – знаменитому и непревзойденному сыщику – предстоит раскрыть тайну гибели полковника Игнатьева и его дочери, а также найти то самое золото, пропавшее почти сто лет назад!

Содержание

Часть I	4
1	4
2	12
3	17
4	28
I	28
II	30
5	35
6	46
7	62
8	75
9	99
10	108
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Иван Любенко

Тайна персидского обоза

Дочери Валерии посвящаю

Часть I Золотой обоз

1

Таинственная пропажа

Весьма секретно

Его Высокопревосходительству Господину главному начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии

Генерал-адъютанту Бенкендорфу

Настоящим имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что вчерашнего дня из г. Тавриза прибыл военный обоз № 3411 из шести повозок с ценностями, кои выплачены Персией в качестве контрибуции России по мирному договору. В сундуке под № 8 выявлена пропажа золотого

тых монет в совокупном числе 4500 штук. Приняты надлежащие меры к отысканию одного. Сургучные печати по пути следования не нарушены. Обозный офицер взят мною под строжайший арест. Учинено следствие.

Действительный Статский Советник фон Фок.

Санкт-Петербург.

Октября 14 дня 1828 г. № 146.

Серебристо-синее пространство балтийского неба затягивали черные, как деготь, грозовые тучи. Штормило второй день. Холодный северный ветер гнал к берегу аршинные волны, безжалостно разбивая их о серый гранит Английской набережной. Море сливалось на горизонте с облаками, образуя единую зловещую пустоту, будто существующую отдельно от всего остального, понятного людям мироздания. Эта потусторонняя, неведомая человеческому разуму субстанция дышала, двигалась, наливалась свинцовой тяжестью и тут же раскалывалась на части, оглушая землю громовыми раскатами. Молния, словно копьё Люцифера, безуспешно сражалась с куполом Адмиралтейства. К Петербургу приближалась буря.

Император Николай I стоял у окна, заложив руки за спину, и, казалось, совсем не слушал докладчика, внимательно наблюдая за сменой караула. Разводящий, молодой офицер, увидев лик Государя, растерялся и невольно сбился с ноги, но тут же поправился и, отдав честь поворотом головы, за-

шагал, вытягивая носок, по скользкой брусчатке Дворцовой площади.

– Это ведь не просто воровство, Александр Христофорович. Это насмешка над памятью тысяч моих солдат. Ценою своих жизней они возвеличили мощь Российской империи. А вы говорите: «Обнаружена пропажа в количестве...» Это, если хотите, вызов всем нам. – Монарх резко повернулся на каблуках и, глядя в глаза Бенкендорфу, едва сдерживая гнев, спросил: – Кто отправлял золото из Персии?

– Полномочный министр при тегеранском дворе статский советник Грибоедов, Ваше Величество. Он самолично собирал сей фурштат¹ в Тавризе и опечатывал каждый сундук. – Генерал вытянулся во фронт, словно часовой у полкового знамени, и почувствовал, как от напряжения сводит судорогой скулы.

– А почему вы арестовали прикомандированного к обозу полковника? Вы что же, располагаете сведениями о его причастности к воровству? – прохаживаясь вдоль стены с гобеленами, осведомился самодержец.

– Никак нет, Ваше Величество. Но пока идет следствие, мы не можем его освободить. К тому же сведения об исчезновении монет должны храниться в строжайшей тайне, дабы мы имели возможность наблюдать за поведением остальных лиц, коим поручалось обеспечить сохранность груза.

– А Грибоедову вы тоже не доверяете? – удивленно под-

---

¹ Фурштат (уст.) – военный обоз (прим. авт.).

нял голову Император.

– Ваше величество, я обязан держать под подозрением всех, кто отвечал за доставку контрибуции.

– Кому собираетесь поручить расследование?

– Надворному советнику Самоварову, Государь.

– Какая забавная и простонародная фамилия. Кто таков? – вопросительно вскинул брови Николай Павлович.

– Вы правы, Ваше Величество, его род не дворянского происхождения. Отец его Авдей Самоваров, сын полкового священника, начал службу гренадером. За битву при Рымнике был представлен к званию прапорщика. А двумя годами позже он одним из первых ворвался в осажденный Измаил, за что был удостоен чести принять из рук генерала-фельдмаршала Суворова орден Святого Владимира III степени. Получив дворянство, Самоваров ушел в отставку и поселился в дарованном имении под Калугой. В том же году Авдей женился на дочери полкового маркитанта, и у них родился сын Иван, впоследствии окончивший университет и выбравший гражданскую службу. Сей чиновник старателен, обладает исключительной работоспособностью, и главное – он разработал собственный способ разгадки разного рода преступлений с помощью построения логических умозаключений, отраженных от образа мышления лихоимцев...

– Извольте пояснить, Александр Христофорович, – резко прервал царедворца монарх.

– Видите ли, Ваше Величество, это как в шахматах: ес-

ли ты понял, что злоумышленник обладает ограниченным умом, ну, допустим, как пешка может ходить только в одном направлении, – то и ожидать от него стоит того же, а значит, для его поимки достаточно построить простую западню, в коей он обязательно окажется. Ну, а если злодей хитер и опытен, сродни ферзь, то с ним надобно избирать другую тактику: кропотливо, шаг за шагом укреплять позицию, постепенно отсекая от большего числа клеток. Противник начнет нервничать и в итоге обязательно проиграет. Ну, это, конечно, образное сравнение. С подозреваемыми в лиходействах он исключительно вежлив. А если говорить о результатах, то еще не бывало случая, чтобы после его допросов кто-либо не сознался. Здесь ему равных нет. Благодаря стараниям Самоварова в ссылку угодило около тридцати сообщников мятежа 14 декабря.

– Лестная аттестация. А каков его возраст?

– Тридцать девять, Государь.

– А что ж он до сих пор в надворных советниках ходит?

– Так ведь если он статского получит, то по своему положению дознанием лично заниматься перестанет, а второго такого мастера следственных дел мне по всей России не отыскать. Но наградами он не обижен, нет! Да ведь, Ваше Величество, в позапрошлом году вы самолично пожаловали ему перстень, усыпанный брильянтами...

– Да, кажется, припоминаю. Самоваров этот слегка лысоват и роста невысокого, взгляд цепкий. Он ли?

– Он, Государь, он. Правда, с тех пор от сидячей работы располнел, да волос поубавилось.

– А что Фок предлагает?

– Максим Яковлевич просит вашего дозволения связаться со штабом Паскевича. Как нам известно, у генерала имеется свой человек в окружении Фетх-Али-Шаха – Мирза-Якуб, прослуживший пятнадцать лет при гареме казначеем. Один из офицеров штаба, находящийся при свите Грибоедова, поддерживает с евнухом тайную связь. Возможно, Мирза сумеет пролить свет на это таинственное исчезновение...

– Вы, я вижу, генерал, достаточно хорошо осведомлены, но донесения, кои мы получаем от Мирзы через штаб армии, стоят намного дороже, чем пропавшее золото. И особенно сейчас, когда идет война с Турцией, я не хотел бы терять столь важный источник. Да, Персия повержена – но кто знает, как себя поведет наследник престола Аббас-Мирза, если мусульманское население Тавриза и Тегерана, поджигаемое турками, восстанет против наших гарнизонов? Налаживание мирных отношений с персами – основная цель посольства Грибоедова. Откровенно говоря, я не думаю, что кража золота каким-то образом связана с иноверцами. Ведь, по вашим словам, обоз охранялся круглосуточно. Так что времени зря не теряйте и начинайте расследование.

– Уже приступили Ваше Величество.

– Ну и слава богу. Вы уж не скупитесь и обеспечьте Самоварову наилучшие условия для выполнения этого поруче-

ния: объявите, что на время следствия он наделяется полномочиями тайного советника. А посему отдайте соответствующее распоряжение и составьте для него надлежащую бумагу. Не забудьте обязать местные власти, вплоть до генерал-губернаторов, оказывать ему всяческое содействие. Это же касается и корпуса жандармов. Пожалуй, все. Я думаю, что мне не стоит более отрывать вас от дел, Александр Христофорович...

Поклонившись, Бенкендорф удалился. Император направился к боковой двери, но вдруг остановился, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Повернувшись, он увидел венецианское зеркало в массивной оправе из красного дерева. Его твердая поверхность вдруг заколыхалась, словно водная гладь. Не в силах оторвать взгляд, он наблюдал, как перед ним открывался неведомый, потусторонний мир, вообравший в себя высвеченные молнией тени ушедших правителей России. Они смотрели на него все вместе и откуда-то сверху, будто сравнивая с собой, оценивали и судили его дела, а чей-то такой знакомый женский голос пытался оправдать молодого государя перед собравшимися:

«Достигнув возраста Иисуса Христа, пятнадцатый царь рода Романовых уже третий год правит шестидесятимиллионной страной. Он лично участвовал в подавлении антигосударственного переворота на Сенатской площади, грозившего перерасти в погромы и убийства похлеще любой пугачевщины. Благодаря его настойчивости русские войска вы-

ступили против превосходящих по численности персов, которым он нанес сокрушительное поражение. Сразу же Николай I выступил и против Турции. Он лично участвует в сражениях и совсем скоро одержит блистательную победу. Поверженный турецкий султан будет смиренно просить Его Императорское Величество уменьшить размер победных выплат, и тот великодушно согласится, но предложит некогда могущественному мусульманскому правителю... «принять истинную веру – православие». Давно так высоко не поднимался престиж России в глазах Европы! Давно!»

Новый раскат грома вывел государя из небытия, и он понял, что ему слышался голос его тяжелобольной матери. Полный нехороших предчувствий, он устремился к ее покоям. Торопливая поступь монарха гулким эхом разносилась по огромному залу, путаясь и теряясь в бесконечных коридорах Зимнего дворца.

У дверей спальни вдовствующей императрицы Марии Федоровны со скорбным, каменным лицом его встретил старший лейб-медик.

2

Надворный советник

Иван Авдеевич Самоваров высоким ростом не отличался, и потому езда в карете, даже в высоком цилиндре, неудобств не доставляла. Его круглое открытое лицо без усов, кои согласно циркуляру статским чиновникам носить запрещалось, располагало к доверию. Широкий от рождения лоб незаметно переходил в лысину со следами еще сохранившихся по краям редких волос. Зато бакенбарды отличались завидной густотой и достигали почти середины щек. Карие глаза светились простодушием, но в глубине их пряталась едва заметная хитринка, распознать которую не всем вовремя удавалось. Встретившись с Иваном Авдеевичем на улице, вы непременно подумаете, что раньше вам уже приходилось с ним где-нибудь видеться, потому что служащие именно с такой наружностью годами прозябают в канцеляриях присутственных мест, а выйдя в отставку, преподают в гимназиях русскую словесность.

Стоило ему появиться в лавке вместе со своей благоверной, как слащавые молодые приказчики тотчас же обступали ее со всех сторон, навязчиво предлагая madame обновить гардероб, совершенно игнорируя ее мужа – этакого простофилю-помещика, чья красавица-жена только одна и знает настоящих отцов всех многочисленных отпрысков. В такие ми-

нуты Иван Авдеевич скромно усаживался в углу,пил сельтерскую и терпеливо ждал финала одной и той же изрядно поднадоевшей пьесы, когда обвешанный с ног до головы свертками и заставленный шляпными коробками приказчик назовет итоговую сумму и воцарится мучительная пауза. Наталья Петровна, как обычно, скромно потупит огромные, как блюдца, глаза, кокетливо взмахнет крылами-ресницами и, подняв умоляющий взгляд, тихо проронит: «Ну право, милый...» Он вздохнет, достанет *porte-monnaie* и расплатится ворохом ассигнаций.

Кажущейся внешней простотой Самоварова обманулись многие. Обладая острым умом и невероятной памятью, Иван Авдеевич умел докапываться до истинной природы человеческих поступков. Ему мало было раскрыть преступление. Он стремился понять глубинные корни замысла злодея: что двигало им? И почему он пошел против Бога, а значит, и против самого себя? Ведь сообразно его собственному убеждению, Господь есть в каждом из нас. Главное – прислушаться и услышать его голос. К подозреваемому он относился как к некой одушевленной загадке или ребусу, который он должен обязательно разгадать. Раскрыв злодейство, он терял всяческий интерес к личности преступника и быстро о нем забывал. Карьеристом Самоваров не был и судьбой своей оставался вполне доволен. Его непосредственный начальник Максим Яковлевич Фок, гроза всех вражеских шпионов и лазутчиков, подчиненного своего ценил и уважал. Рань-

ше оба служили в Особенной канцелярии при Министерстве внутренних дел и занимались главным образом расследованием уголовных преступлений. События 14 декабря 1825 года застали империю врасплох. Созданная по указу государя Следственная Комиссия представляла собой лишь украшенный фасад из преданных Отечеству боевых генералов, ничего не понимавших ни в тактике допросов, ни в дознании. Первое время господа бунтовщики вели себя вызывающе и вину свою всячески отрицали, не понимая, что игры в тайные масонские общества закончились уже в тот момент, когда они вывели на Сенатскую площадь полки обманутых ими солдат. Вот тогда-то и привлекли коллежского асессора Самоварова в состав комиссии. По окончании следствия, через шесть с половиной месяцев после декабрьского мятежа гвардейских офицеров, Николай I подписал указ «О присоединении Особенной канцелярии Министерства внутренних дел к Собственной Его Императорского Величества канцелярии». Ее управляющим был назначен фон Фок.

Весь штат первой спецслужбы России состоял из шестнадцати гражданских чиновников, одним из них и был Иван Авдеевич Самоваров – следователь, уже получивший новый чин и золотой перстень от императора. Сослуживцы успеху своего коллеги завидовали. Одни высказывали догадку, что он наверняка заручился поддержкой нечистой силы, раскрывающей удачливому чиновнику тайны преступлений, другие считали, что надворный советник по воскресеньям ездит к

некой монашке-прорицательнице, помогающей ему во всем. Иван Авдеевич внимания на завистников не обращал и, как отмечалось в его личном деле, «жизнe своего на службе не жалел». Дома же, после продолжительного семейного ужина, он с наслаждением раскуривал любимую трубку из орехового дерева и с удовольствием садился за составление шахматных этюдов, считая это детской забавой. «Мозг должен не только работать, но и развлекаться», – часто говаривал отец семейства.

Больше всего на свете он не любил отпуск и связанные с ним поездки в родительское имение супруги. Постоянные застоля и преферанс с соседями ему быстро наскучивали. Рыбалка или охота умственной нагрузки не требовали и потому ни малейшего интереса для него не представляли. Тренируемый годами мозг изнывал от безделья. От этого его начинала донимать хандра, и все оставшееся время он уныло перелистывал подшивки «Ведомостей» пятилетней давности, скучая по работе. Но так было всего один раз. Впоследствии Иван Авдеевич заранее договаривался с нарочным родного ведомства о дате «неожиданного» вызова на службу. В такой день Наталья Петровна огорченно вздыхала и торопливо собирала мужа обратно в город, оставаясь в поместье в окружении многочисленной прислуги, со своей вдовствующей матушкой и детьми.

Но сегодня, после аудиенции у Фока, Самоваров все еще продолжал испытывать приятное легкое волнение, знакомое

каждому охотнику перед началом псовой травли. «Вот это действительно стоящее дельце! – проносилось в голове у чиновника. – Тут уж придется не один день голову поломать. Ну что ж, я готов! Посмотрим, о чем поведает начальник обоза. Сдается мне, он здесь ни при чем». Поглощенный мыслями о предстоящем допросе, Иван Авдеевич не заметил, как, проехав мост, экипаж подкатил к Иоанновским воротам Петропавловской крепости.

3

Лавиринф

Каменная громада цитадели с ее бастионами, куртинами и рavelинами, несмотря на солнечный день уходящего бабьего лета, всегда действовала удручающе. Покинув карету, Иван Авдеевич протянул дежурному офицеру пропуск. П слышался громкий окрик, и высокие ворота, подобно пасти неведомого чудовища, распахнулись, впуская в ненасытное чрево новую человеческую душу. За мостом, перекинутым через искусственный ров, отворились вторые ворота, Петровские. Пройдя по главной аллее до площади перед Петропавловским собором, надворный советник вошел в небольшое здание из двух этажей, именовавшееся Комендантским домиком.

Самоваров заполнил приказной ордер на доставку арестованного и оказался в небольшом помещении, приспособленном для допросов. Задержанного привели не сразу, поскольку, по особому распоряжению фон Фока, он содержался в секретном доме Алексеевского рavelина, находящегося в другом конце острова. Арестанты этой тюрьмы не имели имен и фамилий. Их различали по номерам камер. По прибытии его делалась запись: «Прибыла личность», а в случае смерти или перевода в другое место заключения записывали: «Убыла личность». Наконец дверь открылась, и карауль-

ный, доставив подследственного, удалился.

Следователь молча изучал незнакомца. Перед ним стоял высокий худой человек лет тридцати пяти. Гусарские лихие усы и широкие густые бакенбарды выдавали в нем офицера. Манера широко ставить ноги свидетельствовала о принадлежности к кавалерии, и, вероятнее всего, к драгунам. Прямая осанка, гордый и властвующий взгляд говорили о привычке отдавать приказы, а значит, отнести его можно было к старшим офицерам не ниже майора; скорее всего, он командовал полком. Шрам на левой щеке красноречиво подтверждал все предыдущие выводы, присовокупив к ним еще и его непосредственное участие в лихих кавалерийских атаках. Тюремная одежда сидела на нем мешковато и никак не вязалась с бравой внешностью. Серый арестантский халат, надетый прямо на нижнее белье с завязками вместо пуговиц, простые черные кожаные туфли, скорее напоминающие тапочки, придавали его обличению несвойственную офицеру карикатурность. От всего этого он конфузился и был заметно расстроен.

– Извольте сесть, – холодно изрек надворный советник, указывая на привинченный к полу кованый железный табурет. – Я следователь Самоваров, и мне поручено заниматься расследованием обстоятельств по пропаже ценностей, вверенных вам для транспортировки. Зовут меня Иван Авдеевич. Если хотите, то можете ко мне так и обращаться. И теперь для составления протокола прошу точно назвать ваше

имя, фамилию, отчество и должность.

– Карпинский Яков Спиридонович, полковник штаба генерала Паскевича. В прошлом полковой командир восьмого драгунского Астраханского полка.

– Год рождения?

– Тысяча семьсот девяносто третий.

«Надо же, – подумал Самоваров, – ему и правда тридцать пять».

– Итак, Яков Спиридонович, я надеюсь, вам хорошо известно, почему вы находитесь в этом не подходящем для вас месте?

– Я за эти дни многое передумал и до сих пор не могу понять: каким образом из проклятого восьмого сундука пропало золото? Этого никак не могло случиться! Я радикально отвергаю все обвинения в свой адрес! – От возмущения офицер взмахнул руками, подскочил, сделал несколько нервных шагов по узкой комнате и снова сел на место.

– Успокойтесь, господин полковник. Расскажите лучше, как формировался обоз и каков был порядок его следования. – Иван Авдеевич откинулся на спинку стула.

– Обоз составлялся в Тавризе. Всей работой руководил статский советник Грибоедов. Приказом начальника штаба я был откомандирован в его распоряжение. Это был уже не первый караван с ценностями, кои доставлялись в Россию по результатам мирного договора, посему...

На лице надворного советника внезапно вспыхнула искра

осенившей его мысли, и, дабы не потерять ее, он прервал арестованного вопросом:

– Соболаговолите припомнить: откуда появились эти сундуки и как они комплектовались?

– Для транспортировки груза обычно приобретались деревянные сундуки, обшитые изнутри листами железа и укрепленные поперечными металлическими прутьями, с внутренним замком и тремя ключами. Дело в том, что кованые, во-первых, чрезвычайно дороги, а во-вторых, довольно тяжелы и на одну повозку больше двух не погрузишь – лошади надорвутся, а деревянных можно положить целых четыре. Их доставили из Тифлиса и после тщательной проверки на прочность передали помощнику Грибоедова. Всего пришло двадцать четыре штуки. Каждый из них наполнялся в моем присутствии, тут же составлялась подробнейшая опись. Один ее экземпляр оставался при мне, а другой клали сверху и замыкали, опломбировав сургучной печатью полномочного министра. Так были собраны все двадцать четыре единицы. Ключи хранились только у меня. Открывать в дороге поклажу воспрещалось. В тот же день обоз под охраной Сводного гвардейского полка отправился в Тифлис.

– Кто полковой командир?

– Полковник Баскаков. Он сопровождал нас только до Тифлиса, а там, покормив лошадей и немного отдохнув, мы уже вместе с Кабардинским пехотным полком майора Якубовича выдвинулись по направлению к Ставрополю. Приняв под

охрану груз в Тифлисе, Якубович согласно действующему циркуляру опечатал каждый сундук.

– Стало быть, в Ставрополь обоз пришел уже с тремя печатями?

– Нет, с двумя.

– Извольте пояснить.

– Из Тавриза мы вышли с одной печатью полномочного министра, а в Тифлисе появилась вторая печать – Якубовича.

– Получается, что полковник Баскаков не опечатывал сундуки?

– Нет.

– Продолжайте...

– По прибытии в Ставрополь на охранение встал девятнадцатый драгунский полк майора Эверта, кой, приняв обоз, дополнительно опломбировал своей полковой печатью каждую единицу перевозимого груза. И через пару часов мы уже собирались снова двинуться в путь, да вот незадача – у одной телеги сломалась ось и вся поклажа оказалась на земле. Тогда мы решили выгрузить сундуки в склад местного Интендантства, отремонтировать колесо и утром отправиться дальше. Так мы и поступили: весь груз снесли в соляной подвал, майор Эверт при мне его опечатал и на дверях выставил часового. Остальное имущество находилось под охраной караульных. Утром я проверил наличие сургуча – пломбы были в порядке и везде по три печати.

– А восьмой ларец выгружали?

– Позвольте, позвольте, – задумался полковник, – ну да, ведь сломалась четвертая телега, а на ней как раз перевозили пятый, шестой, седьмой и восьмой сундуки.

– Что это было за помещение?

– Я же сказал, это был большой подвал, почти пустой. Надежней места было не сыскать, все равно что склеп – без окон, да и часовой у входа.

– Что значит «почти пустое»?

– В самом углу лежало несколько мешков с солью. Но вы не сомневайтесь, я проверил каждый из них – ничего, кроме соли.

– Кто предложил вам это хранилище?

– Один офицер.

– Кто такой?

– Я уже и не вспомню...

– А что дальше?

– Утром, проверив сохранность пломб на дверях склада, я отворил их и приказал погрузить все четыре сундука на ту же телегу. К тому времени ее уже отремонтировали, и, не мешкая, мы отправились в путь. А от Воронежа до Москвы нас сопровождал 16-й драгунский Тверской полк под командованием подполковника Слащева и от Москвы до столицы – 2-й драгунский Псковский полк Малянтовича. Но нигде больше на ночлег мы не останавливались.

– Выходит, когда обоз прибыл на Монетный двор Петро-

павловской крепости, на каждом сундуке было по пять разных пломб, то есть по числу полков, несших охранение, так?

– Ну конечно! Правда, за изъятием Сводного полка, поскольку, как я уже говорил, в Тавризе Грибоедов лично печатывал весь груз собственной дипломатической печатью.

– А что потом?

– А потом и начался тот самый кошмар, кой продолжается и до сих пор: при передаче ценностей все шло хорошо, пока мы не добрались до восьмого сундука. Оказалось, что ключ с восьмеркой к нему не подходил, и открыть его сумел только слесарный мастер. Вместо золотых монет на дне лежали какие-то камни. Меня тотчас же арестовали... А ведь связку эту я всегда при себе держал и с ней не расставался! Поймите, Иван Авдеевич, я боевой офицер. Был под Бородино и под Красным, ходил в атаку под Дрезденом и Кульмом, дрался под Лейпцигом и Краоне! – Он помолчал, глядя в пол, и потом как-то растерянно добавил: – Видно, сама нечистая сила погубить меня решила.

– Ничего не скажешь, грустная история. – Самоваров поднялся из-за стола и подошел к окну. Заложив руки за спину, он в задумчивости рассматривал, как пожелтевший, но еще живой кленовый лист отчаянно боролся за жизнь, сопротивляясь безжалостному осеннему ветру. И вдруг тихо спросил: – А в Ставрополе хоть в баньке-то попарились?

– Ну да, слава бо... – запнулся на полуслове Карпинский и растерянно посмотрел в сторону надворного советника.

– На ночлег у кого останавливались? – мимоходом спросил следователь, продолжая смотреть в окно.

– Так у него, у полкового провиантмейстера.

– Фамилию помните?

– Да вроде бы... дай бог памяти... ну этот... как гриб, то ли Сыроежкин, то ли Подберезовиков? Или Груздев?

– А может, Рыжиков? – предположил Самоваров и повернулся. Изумленный офицер смотрел на него широко раскрытыми от удивления глазами.

– А откуда вам это известно? Вы что, его уже допросили?

– Помилуйте, Яков Спиридонович. Просто вы произнесли три названия, и в каждом из них заметную роль играет звук «эр». Вот я и предположил, что, вероятно, само слово должно начинаться на одноименную букву. А Рыжиков – самая подходящая вариация.

– Вы, я вижу, господин следователь, намекаете, что, пока я мылся в бане, у меня настоящий ключ выкрали? Но это никак невозможно. Походную сумку с ключами я передал под охрану дежурному по штабу. Так что штабс-капитан Рыжиков тут ни при чем. Откровенно вам скажу: без чертовщины тут не обошлось. Если даже представить, что кто-то в штабе подменил ключ – то как он мог проникнуть в этот подвал, если на дверях стоит часовой, печать не тронута, окон нет, проломов в стене или потолке тоже не наблюдается и подкопа не имеется? Что вы на это скажете?

– Если допустить, что все происходило именно так, как вы

говорите, то выходит, что воровство случилось не в Ставрополе, – просто ответил надворный советник.

– Но где? С ключами я не расставался, и охрана обоза велась круглосуточно. Да и сам этот ларец неподъемный. Смотрю, а драгуны его волоком по каменным ступенькам в подвал тянут. Ну и задал я им феферу! Что ж вы, говорю, так с казенным имуществом обращаетесь! Не можете вдвоем, так помощь кликните, – оправдывался Карпинский.

– Получается, что этот восьмой сундук оказался самым ценным?

– Да, на мою беду. Мало того что он был доверху набит золотыми персидскими туманами, так еще и редкие монеты из золота высочайшей пробы имелись. Возможно, ими шах собирался наградить своих приближенных за разгром русских, да не сподобилось им. До вступления наших войск персидские мастера отчеканили только одиннадцать штук, и все они были в этом самом ларце. Вы бы видели, как радовался Грибоедов, когда сумел получить эти монеты в зачет победных выплат по цене простого золота. «Вы, Яков Спиридонович, – говорил он мне, – уж потрудитесь пояснить там, в Петербурге, что им самое место в Эрмитаже. А то ведь наши ухари без разбору все в переплавку пустят».

«Ах, Александр Сергеевич, Александр Сергеевич! – пронеслось в голове у Самоварова. – Горяч только больно! Во время допросов по делу четырнадцатого декабря не сдержался и давай ругать крепостное право... Едва успокоил его. Вы,

говоря, водички попейте и забудьте, что мне тут «под запал» наговорили. И я вам тоже этого никогда не напомним». Взял я грех на душу, отписал в протоколе обратное, как он, мол, о верности государю распространялся и что жизнь готов за его величество положить. И дал ему подписать. Он прочел и от изумления слова вымолвить не смог. Только и выговорил что «спасибо». А в довесок в рапорте Фоку я отписал, что *«г-н Грибоедов оказался неприкосновенным к делу смутьянов и нарушивших присягу мятежников, Государю предан и желает пользу Отечеству принести»*. Вот эти две бумаги и легли на стол венценосному. Фок мне потом рассказывал, как Николай Павлович долго Александру Сергеевичу руку с благодарностью тряс. И вот теперь, после победы над персами, ему высочайше пожалован чин статского советника, орден Святой Анны II степени с алмазами да четыреста золотых червонцев в довесок, а самое главное – именным повелением он назначен полномочным министром при тегеранском дворе. Так-то! И это все в тридцать три! А тут уже пятый десяток на носу – и до сих пор надворный советник! Да ладно, чего уж там! Может, хоть потомки спасибо скажут!»

– На вас, Иван Авдеевич, да на Бога уповаю. Если и есть вина моя, так это в недосмотре – за что готов предстать перед судом и отвечать по всей строгости закона. Но к пропаже золота я, поверьте, никакого отношения не имею. Да только знаю, не верите вы мне, не верите, – в отчаянии махнул рукой арестант. – Чувствую, не выбраться мне никогда из этого

лабиринфа.

– Поживем – увидим, господин полковник. Есть у меня одна мыслишка... Дайте только время.

4

Нить Ариадны

I

III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии располагалось на углу набережной реки Мойки и Гороховой улицы. Учитывая малочисленность штата, кабинетов хватало с избытком. Имелось даже специальное помещение для хранения предметов, изъятых на месте происшествия, и потому сослуживцы Самоварова изрядно удивились, узнав, что Иван Авдеевич распорядился перенести все вещественные доказательства по расследуемому им делу к себе. Мало того, для этого потребовалось внести еще два стола, кои забрали из комнаты дежурных жандармов. Никому другому начальство бы такого не позволило, а тут: «Не извольте беспокоиться, сию минуту исполним!» «Оно и понятно – любимчик самого Бенкендорфа!» – шушукались по углам завистливые коллеги. Сгорая от любопытства, они то и дело под разными предлогами заглядывали к надворному советнику в надежде понять, что же там происходит.

И действительно, небольшая комната была заставлена разнообразными предметами. В дальнем углу по соседству со старым шкафом времен графа Потемкина стоял объем-

ный деревянный сундук, для прочности скрепленный железными полосами с медными клепками. На полу высилась груда осколков ракушечника и несколько больших камней. На двух сдвинутых вплотную столах рядами, как буквы на строчке, размещались дощечки с ярко-красными сургучными печатями. Располагались они кучками, по пять, и под каждой лежала бумажка с порядковым номером. Иван Авдеевич сидел в кресле, курил трубку, а прямо перед ним лежал какой-то ключ и два чистых листа бумаги.

Спустя три часа совершенно ничего не изменилось. Измученные любопытством сотрудники тайного ведомства изнывали в неведении, в то время как следователь, вооружившись лупой, рассматривал разложенные на столе печати. Через час несколько возбужденный хозяин кабинета спешно его покинул. Однако быстро воротился, сел за стол и опять долго курил. Самый проворный из коллег с помощью казенной подзорной трубы ухитрился разглядеть из окон коридора третьего этажа противоположного здания кое-что необычное: на столе надворного советника появился насыпанный горкой белый порошок неизвестного происхождения, блюдце с прозрачной, похожей на воду, жидкостью и кусок картона с дыркой посередине.

Вдруг Иван Авдеевич встал и с помощью чайной ложки начал проделывать непонятные манипуляции с блюдцем, жидкостью и печатями. Закончив, он тщательно вытер руки и снова закурил. А еще через час он зачем-то зажег свечку и

стал капать воском куда-то на стол. Алхимик, да и только!

Когда день клонился к закату, по коридору в сторону кабинета управляющего канцелярии проследовал Самоваров. На его лице сияла довольная улыбка, а в руках был загадочный сверток.

II

Михаил Яковлевич фон Фок (по рождению Магнус Густав фон Фок) отличался острым умом, неутомимой энергией и прекрасными организаторскими способностями. В его руках были сосредоточены все нити жандармского сыска и тайной агентуры. Он был душою, главным деятелем и важнейшею пружиной III отделения. В совершенстве владея русским, немецким, французским и польским языками, он виртуозно использовал собственные возможности для вербовки тайных агентов из числа иностранцев, не говоря уж о представителях русского дворянства и даже военных.

Внешности обрусевший немец был самой что ни на есть обыкновенной и здорово походил если не на простолюдина, то в лучшем случае на продавца из мясной лавки. Невысокого роста и коренастого телосложения, с короткими, но сильными руками, он с успехом бы мог подбрасывать пудовые гири в цирке или участвовать в построении гимнастических пирамид. Круглая, будто капустный кочан, голова со светлой, почти рыжей шевелюрой, ниспадающей на открытый

лоб, и небольшие, прямо посаженные глаза-буравчики вкупе с широким подбородком довольно слабо свидетельствовали о его аристократическом происхождении. Разве что слегка удлинённый нос придавал сходство с так называемым римским профилем. И это делало его удивительно похожим на Бонапарта.

В конце дня Максим Яковлевич, по давно заведенному порядку, просматривал секретные записки агентов для дальнейшей их обработки, составления доклада и передачи Бенкендорфу. Несмотря на привычку работать в тишине, он разрешал подчиненным посещать его кабинет в любое время. Вот и сейчас секретарь сообщил, что надворный советник Самоваров ждет аудиенции. Кивнув в знак согласия, фон Фок поднялся из-за стола, с удовольствием разминая затекшие от долгого сидения ноги. В большом проеме двери, как в портретной раме, возник живой образ Ивана Авдеевича с едва читаемой хитрой улыбкой, спрятавшейся в уголках его полных губ.

– Что ж, прошу вас, заходите. Может, чайку распорядиться? А то ведь при нашей работе и перекусить недосуг. Все дела, дела... – И, не дожидаясь ответа, попросил принести чайную пару. Указывая рукой на кресло, он предложил чиновнику сесть и, лукаво сощурившись, сказал: – Сдается мне, Иван Авдеевич, что вы принесли хорошую весть. Неужто полковник сознался, где спрятал персидское золото?

– Нет, Максим Яковлевич, до этого пока не дошло. Да к

тому же я думаю, что Карпинский к самой краже не причастен. Но обрести в этом полную уверенность я смогу только после возвращения из Ставрополя.

– А почему вы решили начать именно оттуда? Вам сподручнее было бы отправиться в Москву, затем в Воронеж, потом в Ставрополь, а там уж и в Тифлис, а? – поинтересовался Фок.

Тем временем секретарь внес на подносе два чайника – один с кипятком, а другой с заваркой – и вазочку с заграничными конфетками в ярких бумажных обертках.

– Видите ли, я внимательно исследовал все пломбы обоза и обнаружил следующее: только сургуч первых трех печатей сундука № 8 разительно отличается от всех остальных, и не только по цвету, но и несколько размытыми буквами и гербами. Попрошу вас лично удостовериться. – Иван Авдеевич раскрыл на столике сверток, в котором оказалось пять сургучных оттисков.

– Действительно, на поверхности первых трех краска иная, да и гербы менее четкие, чем на остальных, – резюмировал Фок. – Ну и что?

Самоваров достал из кармана сюртука изготовленную из воска печать и протянул начальнику:

– А на это что скажете?

– Неужто самодел?

– Ну да! Все очень просто! Я взял кусок толстого картона от обычной папки, вырезал круглое отверстие по разме-

ру нужной мне печати и положил его сверху так, чтобы вся остальная часть была им закрыта. Потом на сургучную печать я вывалил гипсовую кашу. Через некоторое время гипс застыл, и я получил оттиск, послуживший мне матрицей для отливки. Не имея металла, я залил в форму горячий воск, дабы наглядно продемонстрировать весь процесс. – Самоваров озарился доброй и лучистой улыбкой, свойственной большинству излишне упитанных людей.

– Насколько я понял, Иван Авдеевич, вы доказали, что эти три сургучных оттиска были исполнены поддельными печатями, кои злоумышленники изготовили заранее, так? – осторожно осведомился начальник.

– Совершенно точно!

– А это означает, что поскольку последний из них был сделан в Ставрополе, то и кража произошла там, верно?

– Именно!

– Ну молодец, Иван Авдеевич, молодец! Нашел все-таки Ариаднину нить из этого коварного лабиринфа! А с поездкой тянуть нельзя; так что прямо завтра с утра и отправляйтесь. Прогонных денег пусть выдадут вдвойне. И еще: метод этот по изготовлению поддельных печатей извольте описать и оставить моему секретарю. А то ведь британцы совсем обесстыдились: под видом дипломатических депеш шлют через нашу курьерскую службу в Петербург указания своей агентуре, а мы поделаться ничего не можем! Мешки-то с почтой они сургучом опечатывают. Зато теперь! – Фок по-

тряс увесистым кулаком. – Ну да ладно, не буду вас задерживать. Да и мне генерал аудиенцию на семь назначил.

Самоваров вышел. Почти сразу за ним, застегивая на ходу плащ, комнату покинул и Фок. И только два остывших чайника и нетронутая горка заморских сладостей остались охранять тишину главного кабинета Собственной Канцелярии Его Императорского Величества.

5

Полнолуние

Весной и осенью путешествие по России становится настоящим испытанием. Дожди превращают дорогу в непролазное болото. Любая карета, рыдван², дормез³ или бричка, попав однажды в колею, кажется, уже не могут из нее выбраться, завязнув в клейкой глиняной каше, выматывающей лошадей до беспомощного состояния. Наверняка каждому знакома ужасная картина, когда обессиленное, загнанное жестоким возницей животное падает на брюхо и жалобно стонет, не в силах подняться. Сколько пегих, вороных, каурых, чалых, сивых, чагравых и еще бог весть каких мастей и пород, запряженных в дышло, пристяжных, коренных и выносных лошадок погибло на унылых просторах этой великой и многострадальной страны! Каких только проклятий, попеременно со свистом плетей ямщиков, не слышали придорожные чахлые березки и редкие осины! А виной всему – устоявшийся российский обычай ежегодно засыпать вновь появившиеся ямы на почтовом тракте хворостом, вместо того чтобы мостить камнем, как делали это еще древние римляне. И лишь между Петербургом и Москвой существует одно-един-

---

² Рыдван (уст.) – большая карета (прим. авт.).

³ Дормез (уст.) – экипаж, оборудованный для сна в пути (прим. авт.).

ственное на всю империю сносное шоссе, отсыпанное твердым мелким щебнем. Вот по этому шоссе и бежал дилижанс с одним-единственным пассажиром – мастером следственных дел Самоваровым.

Отягощенный грустным расставанием с семьей, Иван Авдеевич пытался отвлечься, рассматривая в окошко пролетающие мимо окрестности с убранными полями, перелесками и выстроившимися в ряд верстовыми столбами. Но это занятие ему быстро наскучило. Сняв цилиндр, он подложил под голову небольшую дорожную подушечку и сомкнул веки. Расслабившись, вояжер незаметно провалился в мягкий, как вата, сон, сотканный из множества иллюзорных картин, призрачных фантазмагорий и правдоподобных миражей. Темное покрывало сновидений полностью овладело сознанием надворного советника, погрузив в поток невероятных грез.

Едва различимая светящаяся точка медленно приближалась и наконец превратилась в тусклое пламя, выхватившее из крошечной тьмы очертания какого-то неведомого существа, отдаленно напоминающего человека. Провалившись, почти пустые глазницы и серое, земляного цвета лицо, густо обросшее щетиной, выдавали в нем мертвеца. И только слабое колыхание свечи показывало, что фантом еще дышит. Тяжело ступая, человек-призрак шел по темному сводчатому коридору, сжимая в руке оплывший огарок. Когда узкий проход уперся в каменный фундамент какого-то дома, он стал на колени и приложил ухо к стене. Ему опять послыша-

лось пьяное многоголосье трактира, балалаечная игра, звон битой посуды, чьи-то возмущенные крики, перебранка половых... Несчастный стал истошно кричать, но, потеряв силы, издал хриплый, еле слышный стон мученика. Он встал и поплелся дальше, минуя поперечные галереи подземелья, в котором, видимо, уже достаточно хорошо освоился. Дойдя до еще одного фундамента, он поднес огонь к едва заметной щели, образовавшейся между тесанными из ракушечника камнями. Пламя заколыхалось. Обрадованный, незнакомец сложил ладони рупором и стал кричать одни и те же слова, произнесенные им уже тысячи раз: «Помогите! Я живой! Помогите!» Но лишь мертвая тишина была ему ответом. С трудом передвигая ноги, он пошел назад к тому месту, где подземелье подходило к поверхности максимально близко, и, сняв бляху, принялся остервенело скоблить ею потолок в надежде вырваться из могильного плена. Сверху сыпалась сырая земля, которую он подтапывал под себя, уменьшая тем самым расстояние до поверхности. На этот раз грунт осыпался от одного лишь прикосновения, и работать было намного легче, чем прежде. Но вдруг истертый металл проскрежетал по камню. Несчастный остолбенел. Он с ужасом понял, что путь к спасению перегородила гранитная скала. Это означало конец. Надежда на спасение рухнула, а с нею медленно догорала последняя свеча. И тогда человек в оборванном военном мундире принял решение...

Оторвав голову от войлочной подушки, Иван Авдеевич

осоловело посмотрел в окно. Экипаж переезжал мост, украшенный чугунными столбами с величественными императорскими гербами. Внизу торопилась на юг извилистая река. Темнело. От приснившегося кошмара на сердце было неспокойно, и потому хотелось ублажить растревоженную сновидениями душу горячим чаем и трубкой доброго голландского табака. На счастье, впереди показалась станция.

В заезжем дворе у длинной беленой конюшни уже стояли коляска, пролетка и малороссийский тарантас. Четырехугольный пестрый столб, установленный перед крытой тесом покосившейся избушкой, означал, что сие строение есть станция. В форменной фуражке и теплой, обшитой заячьим мехом кацавейке поверх зеленого мундирного сюртука, со слащавой улыбкой на пороге стоял станционный смотритель. Расправив худосочные плечи, он ожидал, пока проезжавшие подойдут к нему и станут просить поменять лошадей, коих у него в наличии никогда не было. Правда, если отяготить его карман некоторым количеством серебра, то лошадки могли и обнаружиться. Ямщик, не обращая на него внимания, принялся разнуздывать усталую, запряженную цугом четверку.

Иван Авдеевич выбрался из кареты и направился в дом.

– Вы, мил человек, зря сивых-то вызволяете. Заменить их все равно нечем. Все лошади в разгоне. Да и очередь, – лукаво щурясь, проговорил тщедушный человечек.

– Соблаговолите отметить подорожную, – протянул бумагу Самоваров и, окидывая прощелыгу с ног до головы, ска-

зал: – А что лошадей нет, то не беда. Только вот, смотрю я, комплекции вы невеликой, и потому, голубчик, наш хомут будет вам несколько большеват и, глядишь, шею натрет. Дорога-то до Ставрополя длинная, почитай, суток десять, не меньше. Так что, покуда я чайку попью, подыщите себе подходящий размер.

Увидев бланк III отделения, станционный смотритель побледнел, подобострастно затряс головой и раболепно залепетал:

– Так не извольте-с беспокоиться, ваше высокоблагородие. А что до казенных дел-с, то у меня, как полагается, на это завсегда коняшки имеются. Сделайте одолжение-с, попейте чайку с бубличками, а сынок-то мой пока вашему ямщику поможет четверку сменить.

Кланяясь чуть ли не в пояс, он услужливо открыл входную дверь, пропуская гостя вперед.

Станция, она же дом смотрителя, представляла довольно грустное зрелище.

Розовые обои во многих местах уже оторвались и неприкаянными лохмотьями стыдливо болтались на загаженных мухами стенах. В подсвечниках коптели сальные свечи. Затхлый дух сырого, еще не натопленного помещения, смешанный со специфическим ароматом кислых щей, неприятно бил в нос. У самой печи лежали приготовленные дрова и топор. В правом углу висела икона и горела лампадка. Чуть ниже – расписание почтового начальства и несколько

лубочных картин. Механическая кукушка, прокричав семь раз, исчезла за маленькой дверцей. Вдоль стены стоял длинный дощатый стол и несколько скамеек с табуретами. На одной из них сидел капитан-исправник и, не обращая ни на кого внимания, сосредоточенно выводил буквы на серой казенной бумаге, время от времени макая обгрызенное гусиное перо в чернильницу. Чиновник морщился и жевал губами, явно проговаривая про себя слова. На соседней скамье сидела немолодая семейная пара и тихо пила чай, отламывая кусочки от солидных размеров тульского пряника. Немного поодаль развалился, занимая добрую треть лавки, дородный купец, громко расправляющийся с жареным цыпленком и початой бутылкой вина. Напротив него, сглатывая голодную слюну, сидел студент в форменной шинели и читал книгу.

Самоваров прошел на свободное место и оказался рядом с исправником, который, завидев станционного смотрителя, окунул перо в чернильницу и проговорил:

– Ну вот что, Тарас, давай-ка я твои показания наново перепишу. А то сотский таких каракулей намалевал – вовек не разобраться! Так что ты рассказывай с самого начала. Фамилию, отчество, да год рождения не забудь.

– Посылкин Тарас Спиридонович, генваря четвертого дня, одна тысяча семьсот восемьдесят третьего года. Я восьмым родился. Батюшка строгий был. Помню, выйдет во двор...

– Ты, Тарас, давай-ка ближе к делу...

– Да разве ж я против, ваше благородие! А франтишка этот сразу внес беспокойство в мою душу. Не успел порог переступить – и давай приказывать. «Поддай-ка, – говорит, – мил человек, кулебяку с вязигой, жареных перепелов под «Шабли» и форелей в белом вине! Да поскорейча!» А я не сдержался и говорю: «А может, вам, премногоуважаемый господин-боярин, премилостивый вы государь, еще и кисельку на мондамине поднести?» Тут он как заругается, да как кулаками замашет: «Ты что же это, свиная морда, позволяешь себе так с барином разговаривать?! Али ты помышляешь, что ежели я в обычном тарантасе прибыл, так со мной можно как с простым мужиком прекословить? Али думаешь, я беден?» Тут он сумку-то открыл и в сердцах на стол бросил. А в ней, мать честная! Одни ассигнации! «На, – говорит, – смотри». Я ему: вы, мол, господин, меня неправильно поняли. У нас тут обычная станция, а не номера в Милютином ряду или ресторации какой... Так что прошу меня покорнейше извинить, что не имею возможности ваш заказ исполнить. А он: «Раз ты не можешь меня подобающим ужином накормить, значит, нечего мне у тебя торчать! Давай лошадей!» – «Не извольте, – говорю, – беспокоиться, к утру лошадки будут, а покамест извольте щей суточных похлебать да кашки гурьевской с потрошками отведать». Только не послушал он. Встал, сумку на плечо бросил, плюнул на пол да дверью хлопнул. Он-то ушел, а я места себе не нахожу. Ну куда это, думаю, на ночь глядя он путешествовать вознаме-

рился? Вокруг лес дремучий лихими людьми кишит. Вышел я на порог, смотрю, а в ста шагах, у самой развилки, всадник на месте топчется, а на земле человек распластался. Луна-то хорошо светила, вот я и увидел. Я сразу понял, что недоброе свершилось, а потому для пущей уверенности взял я в сарае вилы и пошел. А верховой, как меня завидел, так и ускакал. Я подбежал, смотрю, а несчастный энтот уже мертв, а сумки и след простыл. Ну, тут я, как и положено, в уезд сообщил. Сотник наутро приехал и тело убиенного забрал. Вот ведь как оно бывает: был человек – и не стало. На все воля Божья. Царствие небесное убиенному, – трижды перекрестился Посылкин.

– А орудия убийства там не было? Ну, топора какого-нибудь, – осведомился исправник.

– Нет, ничего не заметил.

– Ты хорошо смотрел?

– Обижаете, ваше благородие. Да разве при такой луне можно было не увидеть? Светло было точно как сейчас, – указывая в окно на яркий шар, объяснил станционный смотритель.

– А всадника не разглядел, часом?

– А как же! Был он в военном мундире, но без погон, обут был не в сапоги, а в лапти. Да что там, сразу видно – разбойник с большой дороги. Тать⁴ – одно слово... Кажись, все, ваше благородие.

---

⁴ Тать (уст.) – вор, грабитель (прим. авт.).

– Что ж, будем собираться. Поставь здесь свою загогулину, – нехотя проговорил чиновник, пододвигая бумагу.

– А может, чарочку под соленький груздочек, а? Да кашки гречневой с пережарочкой? Не побрезгуйте, отведайте. А то ведь вам, почитай, еще верст тридцать в казенной кибитке трястись, – с сахарной улыбкой щебетал Тарас.

– Ну, если только быстро... Так ты на меня обед запиши, не забудь, – обводя глазами присутствующих, громко проговорил исправник.

– Не извольте беспокоиться, у нас счетные книги завсегда в ажуре. Мы порядок знаем, почитай, уж восьмой год как станцию держим, – тараторил похожий на хорька человек, смахивая со стола в ладонь хлебные крошки и забрасывая их себе в рот.

Следователь тем временем уже выпил второй стакан чаю, доел сладкий пирожок, вытер рот платком и, набивая не спеша трубку любимым голландским табаком, заметил:

– А вы, господин Посылкин, зря пожадничали. Топор-то надо было выбросить, а то ведь, я смотрю, на ручке следы крови убиенного так и не смыли.

– А кто вы, собственно, такой, милостивый государь, и по какому праву вмешиваетесь? – смерив Ивана Авдеевича презрительным взглядом, раздраженно выговорил исправник.

– Ах да! Позвольте представиться: Самоваров – надворный советник III отделения.

Полицейский подпрыгнул, вытянулся в струну, пытаюсь застегнуть непослушными пальцами верхнюю пуговицу мундира. А Иван Авдеевич, будто не замечая этого, продолжал раскуривать трубку. Тарас, словно стреноженная лошадь, от неожиданности подпрыгнул на месте и застыл в нерешительности, ожидая дальнейшей развязки.

– Я, конечно, понимаю, что вы сейчас станете доказывать, что на самом деле это кровь петуха, коего вы второго дня лишили возможности безнаказанно развлекаться с легковыми молодыми несущками, не так ли? – продолжал Самоваров. – Да ведь не это главное. Вы, господин Посылкин, сами себя, как говорится, подвели под монастырь, когда убеждали капитана-исправника, что две недели назад благодаря такой же, как сейчас, яркой луне вы с расстояния в сто шагов не только ухитрились разглядеть тело убитого, но даже и рассмотрели одежду нападавшего. Однако если учитывать, что сегодня полнолуние, то есть Луна имеет вид светящегося диска, благодаря тому, что находится примерно на одной линии с Солнцем и Землей, то две недели назад была темная ночь, то есть новолуние, когда этот спутник Земли вообще Солнцем не освещался. А значит, стояла непроглядная темень, и вы совершенно ничего не могли узреть. Интервал между новолуниями – двадцать девять с половиной суток. Именно поэтому, воспользовавшись темнотой, вы незаметно покинули дом и, вооружившись топором, нагнали нетрезвого проезжающего. Затем убили его и присвоили деньги.

А впоследствии, любезный, вы сочинили довольно правдоподобную историю, за исключением одной немаловажной детали – состояния Луны. Таким образом, получается, что вы изобличены благодаря вашим же собственным свидетельствам и ничтожным познаниям в астрономии. А вот теперь, господин исправник, соблаговолите допросить этого злодея еще раз, но уже в новом качестве. Мне же следует поторопиться. – Выйдя из оцепенения, полицейский отчего-то взял надворному советнику под козырек и, видимо, совсем лишившись дара речи, что-то невнятно промычал. – Надеюсь, лошади готовы? – Самоваров вопросительно посмотрел на станционного смотрителя, и тот обреченно кивнул в ответ.

Бросив на стол пятак, надворный советник направился к выходу, оставляя позади себя прозрачное облачко ароматного дыма и оцепеневших от неожиданного поворота людей.

Четверка лошадей сорвалась с места и понеслась в неизвестность, разрезая темноту слабым пламенем дорожного фонаря. Впереди оставались еще сотни верст, и откуда-то издалека слышалась трель звонкого дорожного колокольчика, отдававшаяся в ночи каким-то чудным и отчего-то грустным эхом.

6

Ставрополь

Уездные города в России – все на один манер, и отличия между ними нет почти никакого. Длинная, как коломенская верста, главная улица начинается с двухэтажного деревянного, оштукатуренного под кирпич дома городничего, а дальше по обеим сторонам смиренно кланяются приземистые грязно-серые домики обывателей, похожие на просящих подавание нищих. Церковь – роскошная белая громадина с золоченым куполом; старый гостиный двор – хранилище гвоздей, упряжи и мануфактуры; напротив – приземистое одноэтажное строение с отражающейся в огромной луже надписью «Почта»; чуть поодаль – выкрашенный почему-то в яркий охристый цвет кабак под названием «Париж»; в самом конце – участок с квартирой полицмейстера, за ним – стройный ряд разного рода комиссий и пустырь, именуемый площадью, за которой – больница, тюремный острог да кладбище.

Вот примерно в такой город и въехала поздним осенним вечером израненная дорожными кочками и расшатанная безжалостными степными ветрами казенная карета надворного советника Самоварова. И, несмотря на то что минуло уже четыре года с того момента, как высочайшим указом Ставрополь был назначен центром Кавказской обла-

сти во главе с генерал-губернатором, внешне он оставался обыкновенным уездным городом с населением в пять тысяч человек. Южная окраина России встретила гостя привычным, почти петербургским ненастьем: холодная мелкая изморось усиливалась и постепенно переходила в ливень. Остановившись у единственного мало-мальски схожего с гостиницей постоялого двора с издевательской надписью «Европа», Иван Авдеевич приказал выносить из экипажа вещи.

Закончив неотложные при заселении формальности и предупредив о необходимости разбудить его в восемь, он переступил порог плохо меблированной комнаты с широкой двуспальной кроватью, увенчанной пирамидой подушек, и маленьким пузатым комодом с висящим над ним тусклым зеркалом. На стене тикали простецкие ходики. Единственное окно с давно не мытыми, желтовато-мутными стеклами выходило на главную улицу – Большую Черкасскую. Носильщик принес чемодан, а вслед за ним с трудом затащил в комнату надворного советника ящик с торчащими из него острыми углами камней. С плохо скрываемой ненавистью он бросил ношу на пол. Заработав гривенник за труды, бородастый мужик помедлил, но так и не осмелился задать мучивший его вопрос касательно желтого ракушечника, привезенного аж из самого Санкт-Петербурга. Почесав затылок и окинув барина полным сожаления взглядом, он тяжело вздохнул и вышел.

Впервые за двенадцать дней уставший от многодневно-

го переезда путник мог по-настоящему отдохнуть. Он мгновенно провалился в сладкую, обволакивающую дрему, но в мирном тиканье настенных часов ему снова чудился звон курьерского колокольчика и все еще виделся бесконечный, петляющий между холмами унылый почтовый тракт.

Утро пришло вместе с легким стуком в дверь. Извиняясь, коридорный напомнил о времени и удалился. Соскочив с низкой, вогнувшейся дугой наподобие гамака кровати, Иван Авдеевич наскоро побрился и освежился любимым «Parfum de la Cour». Помолившись на висевшую в углу икону, он спустился по скрипучей расшатанной лестнице в небольшую, расписанную еще с незапамятных времен в виде боскета залу. В комнате стоял запах несвежего кухмистерского обеда. В самом ее центре находился единственный свободный стол. Прислуживал один половой. Основными постояльцами оказались командированные офицеры Кавказской линии. Здесь встречались и те, кто только отправлялся в экспедиции, и те, у кого уже закончился годичный срок нахождения в передовых частях.

Холодная говядина, нарезанная толстыми пластами, слегка заветренный сыр, сваренные до синевы яйца, жирное коровье масло и чай со сладкими, но уже не очень свежими крендельками составляли неизменное утреннее меню этого далекого от домашнего уюта заведения. В неторопливой атмосфере неспешного завтрака мысли перекинулись на поиск главной разгадки, и незаметно для самого себя надворный

советник стал обдумывать план дальнейших действий.

«Итак, надобно прежде всего еще раз уточнить, какой информацией я обладаю. – Рассуждая, Иван Авдеевич всегда представлял перед собой чистый лист бумаги, по которому свободно гуляло перо, выводя в столбцы аккуратные записи. – Во-первых, преступник имел возможность заранее подделать не только две полковые печати, но и личную печать Грибоедова, а ведь она использовалась только в двух последних обозах. Значит, злоумышленник имел доступ, скорее всего по долгу службы, ко всем ценностям, шедшим из Персии через Ставрополь. Во-вторых, он ухитрился добраться до связки ключей полковника и подменить один из них. Получается, что это человек из его окружения либо в какой-то момент находившийся рядом с Карпинским. В-третьих, подброшенный ключ тоже ведь должен подходить к какому-то замку. Хоть и слабая ниточка, но все же кое-что. В-четвертых, те несколько осколков ракушечника, кои я привез с собой, имеют явные следы обработки и покрыты серым налетом. Вполне вероятно, они взяты с какого-то разрушенного дома или старого фундамента. Однако, как я заметил, каменных домов в городе мало, и в основном они находятся в крепости, стало быть, преступник может оказаться среди офицеров местного гарнизона. Ну и, наконец, в-пятых, пропавшие четыре тысячи пятьсот золотых туманов, особенно учитывая наградные монеты персидского шаха, весят многим более двух пудов. Такую тяжесть в карманах не унесешь,

следственно, их вынесли на глазах у всех, но в каком-то другом виде, не вызвавшем ни у кого подозрений. Ах да, чуть не запамятовал, этот Рыжиков. Надобно с ним непременно повидаться».

– А я, господа, считаю, что с горцами можно разговаривать только языком картечи, – горячо доказывал уже немолдому военному врачу юный корнет, – тут никакое Великое посольство не поможет. Эти разбойники привыкли веками грабить русских и тем жить.

– Жаль, что мы не пытаемся понять эти народы. К тому же не следует называть всех жителей Северного Кавказа разбойниками. Каждая новая экспедиция в горы приносит более вреда, нежели пользы, настраивая против России разрозненные пока племена. Но упаси господи, если они объединятся под властью какого-нибудь имама, узденя или князя. Вот тогда нам этот пожар придется тушить десятилетиями, если не веками...

Разделавшись с завтраком и не вмешиваясь в пустые рассуждения, Самоваров решил побродить по городу, чтобы составить о нем собственное мнение. Но занятие это после вчерашнего ливня оказалось непростым. Мощеных улиц не было вовсе, а тротуары представляли собой узкие деревянные настилы, отчего Иван Авдеевич чувствовал себя скорее неким эквилибристом, нежели пешеходом. Слава богу, спасали высокие кожаные калоши.

Ставрополь был центром всех гражданских и военных

учреждений Северного Кавказа. По его улицам вереницей тянулись обозы, останавливались на ночлег бесконечные полки на марше и устало плелись, гремя кандалами, арестантские роты. Здесь размещались центральные склады, и сюда стекались на постой проходящие мимо части. Жизнь кипела днем и ночью, напоминая растревоженный муравейник или один большой военный лагерь, не имеющий ничего общего с представлениями о тихом провинциальном купеческом городе. Весь день раздавались отрывистые команды, слышалось бряцанье оружия, и голосистые ротные запевалы по-петушину громко затягивали бравые строевые песни. Зато вечером наступал рай! В парке играл духовой оркестр, а по бульвару неспешной рекой текла праздно одетая толпа, отдававшая в сумерках разнообразием дамских нарядов и бликами золотых эполет. А в трактирах и харчевнях кого только не встретишь! Купцы, откупщики, подрядчики, мелкие агенты, авантюристы всех мастей и разного рода искатели приключений – все стремились поймать на этой российской окраине свою Птицу Счастья.

Сердце города – его крепость, имевшая некогда форму многоугольника, вытянутого с юго-запада на северо-восток, как фортификационное сооружение уже давно утратила былое значение. Высокие стены казарм с узкими бойницами частью разобрали, земляной вал срыли, а глубокий ров засыпали. От главного Черкасского въезда остались лишь каменные столбы с железными, будто клыки, крюками да тор-

чащие из-под земли надолбы. Вторые ворота вели в раскинувшуюся к востоку станицу с пятью продольными улицами из похожих друг на друга саманных домов, крытых соломой. А на месте бывших третьих ворот стояли конюшня для подменных лошадей и Татарский питейный дом, где собирались приехавшие в Ставрополь ямщики, мелкие торговцы и отставные солдаты.

Недавно перестроенный дом командующего Кавказской линией обосновался совсем недалеко от крепости, на Генеральской улице, и представлял собой одноэтажное строение с красной черепичной крышей. В полосатых будках несли службу часовые.

Иван Авдеевич остановился перед высокими, обитыми железом въездными воротами.

Караульный солдат потребовал пропуск.

– Уж чего нет, того нет. Ты бы, братец, кого-нибудь из офицеров позвал, а?

Один из часовых исчез за калиткой и уже через минуту появился в сопровождении капитана.

– Надворный советник Самоваров, прибыл из Петербурга по неотложному делу. Имею надобность в аудиенции командующего.

Окинув с ног до головы простодушного на вид господина полунасмешливым взглядом, коим brave щеголи-офицеры обычно одаривают растолстевших от спокойной жизни статских служащих, дежурный офицер впустил внутрь.

Двор штаба представлял собой прямоугольный плац, соседствующий с амбарами, каретным сараем, кухней, баней и прачечной. С южной стороны возвышался каменный забор в два с половиной аршина. Под тремя дубами-исполинами у небольшого загона стоял невысокий человек в генеральском мундире, но без головного убора. Отламывая от свежее испеченного каравайя куски еще теплого хлеба, он кормил с руки молодых кавказских оленей.

Попросив Самоварова оставаться на месте, дежурный офицер доложил генералу о прибытии столичного гостя. Командующий линией тут же прервал любимое занятие и, застегивая расшитый золотыми позументами ворот, с едва заметным прихрамыванием направился к ожидающему его чиновнику.

– Вот уж никак не думал, что из самой столицы нас решили почтить вниманием. Ну-с давайте знакомиться – барон Эртель, Георгий Арсеньевич, – и запросто протянул руку, даже не одетую в перчатку.

– Позвольте отрекомендоваться, ваше превосходительство. Самоваров Иван Авдеевич, надворный советник. Имею неотложную надобность в сугубо личной аудиенции, – ответил на рукопожатие следователь.

– Так за чем дело стало? Как говорится, милости просим, – по-свойски пригласил боевой генерал.

Минуя длинную анфиладу комнат, Самоваров оказался в небольшом кабинете с двумя перпендикулярно расположен-

ными столами и немецкими стульями для совещаний. В правом углу висела икона. По обеим сторонам от входной двустворчатой двери в потолок упирались два высоких узких шкафа с полками, уставленными книгами и серыми папками. Как и положено, над головой командующего возвышался лик государя, а всю боковую стену занимала подробная карта Российской империи.

Барон сел в кресло и жестом пригласил гостя расположиться напротив.

– Итак, господин надворный советник, я вас внимательно слушаю, – поймав взгляд Самоварова, негромко сказал генерал.

– Дело, кое привело меня в эти края, ваше превосходительство, имеет весьма секретный характер. Я имею честь служить следователем в Третьем отделении Канцелярии Его Величества. – Иван Авдеевич достал из потайного кармана сюртука сложенный втрое лист, развернул его и протянул барону.

Внимательно ознакомившись с документом, Эртель вернул бумагу, быстро исчезнувшую в недрах партикулярного платья чиновника.

– Значит, в Третье отделение и следователь с особыми полномочиями... А я-то думал, вот наконец прислали нам гражданского губернатора и мне больше не придется отвлекаться на городские дела. Почитай, уже четыре года прошло, как Ставрополь из уездного стал областным, а граждан-

ского начальника до сих пор не сподобились назначить. Но, видно, и на этот раз я просчитался. Однако ежели столь серьезное ведомство заинтересовалось нашим захолустьем, то смею предположить о наличии весьма существенных резонансов, – барон вопросительно посмотрел на чиновника.

– Вы правы, ваше превосходительство. Именно исключительные обстоятельства заставили меня безотлагательно прибыть в Ставрополь на курьерских. Я не буду долго занимать ваше время и потому изложу коротко суть проблемы. В обозе, перевозившем контрибуцию по мирному договору с Персией, обнаружена недостача – исчезли четыре тысячи пятьсот золотых монет, среди коих есть экземпляры, имеющие большую историческую ценность. Но золото не просто украли. Вместо него на дно сундука положили камни – простые куски известковой породы. Мы проанализировали случившееся и пришли к выводу, что воровство сотворилось в Ставрополе.

– Но позвольте, господин... извините...

– Самоваров...

– Да-да, господин Самоваров. А вы точно уверены, что лихоедеяство свершилось здесь? Я достаточно хорошо знаю своих офицеров. Многие из них совсем недавно принимали участие в Персидской кампании, вместе со мною дрались в Кабарде и только что вернулись из Карачая, одержав блистательную победу над Ислам-Крым-Шамхалом. И на днях по этому случаю в городе пройдут торжества: салютации, на-

граждения, балы, в конце концов. Уж не ошиблись ли вы, господин надворный советник? – с заметным раздражением выговорил барон.

– Поверьте, ваше превосходительство, у меня для этого есть весьма убедительные основания.

– Какие именно? – не унимался Эртель.

– Ваше превосходительство, в тайну дознания я имею право посвящать только своего непосредственного начальника и государя императора. Я смел бы надеяться, что те особые полномочия, коими я наделен высочайшим соизволением...

– Ладно, ладно. Иван А... позвольте?

– Авдеевич, господин генерал.

– Да-да. Уж не обессудьте старика, запамятовал. Так вот, Иван Авдеевич. Я все понимаю и постараюсь вам помочь.

Вы где остановились?

– В «Европе».

Генерал поморщился:

– Вот уж настоящая конюшня, и хозяин плут. Все нет времени до него добраться. Словом, я вызову сейчас наше-го обер-квартирмейстера и попрошу его подыскать вам приличную комнату на постой. Там же будете и столоваться. Так, а как бы лучше вас представить? – спросил барон, потирая в задумчивости лоб.

– Господин генерал, смею считать, что до поры до времени не следует открывать истинную цель моего визита. Проводя дознание инкогнито, мне будет легче выявить всех

причастных к совершенной краже лиц. Учитывая необходимость осмотра интендантских складов и расспросов офицеров провиантмейстерской и квартирмейстерской служб, по всему вероятно, меня следует именовать инспектором Провиантмейстерской комиссии при Главном штабе. Ну а потом, когда придется перейти к допросам, то все и так станет на свои места.

– Ну, вот и решили, – генерал поднял бронзовый колокольчик и позвонил.

В комнату, подобно ветру, сверкая эполетами, ворвался адъютант и застыл в ожидании приказаний.

– А пригласите-ка нам полковника Игнатьева.

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – Силуэт офицера, словно призрак, бесследно растворился за дверью, оставив после себя лишь четкий щелчок сомкнутых каблуков.

– Да, беспокойная нынче выдалась осень, – нервно барабанил пальцами по столу, рассуждал командующий. – Недели три назад офицер у нас пропал... растаял подобно облаку в ясный день. Был полдня на службе – и вдруг исчез. Домой не явился. Думали, может, решил с ружьишком по лесу побродить да на абреков напоролся. Мы объявили горцам, что готовы выкупить пропавшего поручика за солидное вознаграждение. Но ответа так и не получили. Стало быть, и там его нет. Мне уже штаб-офицеры намекать стали: дескать, а не к туркам ли он подался? Мол, не лазутчик ли он султана Махмуда?

– Ваше превосходительство, а случаем, фамилия его не Рыжиков? – осведомился Самоваров.

– Рыжиков? Нет. Это поручик Рахманов. Он числился обозным офицером Навагинского пехотного полка, но последнее время все больше занимался доставкой провианта, и у него это неплохо получалось. Мы даже планировали его перевести в штаб под начало обер-провиантмейстера Безлюдского. Но позвольте, а при чем здесь штабс-капитан Рыжиков?

– Есть у меня, ваше превосходительство, несколько вопросов к этому офицеру, вот я и побоялся, что он пропал.

– Да неужто вы и его подозреваете? – широко раскрытыми от удивления глазами генерал уставился на столичного гостя.

– Покуда идет расследование, ничего определенного, ваше превосходительство, сказать не могу, но...

– Ох, простите старика! Как же, как же! Тайна дознания! – артистично взмахнул руками барон.

Адъютант доложил о прибытии офицера, и вслед за ним в комнату вошел высокий, подтянутый полковник в мундире, украшенном двумя боевыми орденами. Его холодный, пронзительный взгляд говорил о привычке не отступать перед трудностями. Поперек открытого лба лежала глубокая отметина от неприятельского кавалерийского палаша. Длинные, тронутые сединой бакенбарды придавали его облику строгость и одновременно солидность. Слегка удлиненный нос и правильные черты лица немного портила большая ко-

ричневая бородавка над верхней губой, но густые, слегка закрученные усы надежно скрывали эту едва заметную несуразность. Мужественности добавлял и угловатый подбородок. Серебряные эполеты зрительно увеличивали и без того широкие от природы плечи, а затянутая ремнем талия казалась неестественно, почти по-женски узкой. В начищенных до блеска хромовых сапогах-булках отражались ножки ступльев.

«Вот стянулся, точно барышня на балу. Ох уж эта мода!» – пронеслось в голове у Самоварова.

Последние два года в Петербурге у немолодых военных популярностью пользовались мужские корсеты, придававшие на смотрах и парадах слегка располневшим офицерам былую стройность. Ходили слухи, что и сам государь император был не чужд этому поветрию.

– Полковник Игнатьев прибыл по...

– Вот, Родион Спиридонович, – махнул рукой командующий, прерывая доклад обер-квартирмейстера, – познакомьтесь: господин Самоваров, инспектор Провиантмейстерской комиссии при Главном штабе. Надо бы определить Ивана Авдеевича на постой в приличное место. Ну и окажите ему всяческое содействие по проведению разного рода ревизий в вашем ведомстве и в хозяйстве полковника Безлюдского.

– Ваше превосходительство, считаю, что я мог бы поселить гостя у себя. Есть, правда, одно маленькое неудобство – к рождению первенца готовим новую комнату. Мастера нет-

нет да и нарушат покой. Но все равно лучше места, чем мой дом, для господина Самоварова во всей округе не найти.

– Это уж точно. У господина полковника лучший в городе особняк. Но не потому, что он отвечает за размещение вверенных мне солдат и офицеров, а лишь благодаря сердечным, можно сказать, делам. Всего лишь год назад он женился на дочери местного купца, подарившего молодым обитель напротив бывшей крепости. Человек он теперь семейный, на своем веку повоевал предостаточно, вот я и предложил Родиону Спиридоновичу перейти из кавалерии в штаб, поближе ко мне. Признаться, едва уговорил. Хозяйственные дела, конечно, посложнее, чем полком командовать, но ведь и должность начальника штаба Кавказской линии не за горами... Так что, господа, не задерживаю, – привстал барон, давая понять, что аудиенция закончена.

Иван Авдеевич покинул кабинет командующего и вышел на улицу. Ожидая полковника у штабных ворот, он оказался очевидцем довольно забавной картины: прямо посередине дороги, совсем не обращая внимания на остановившуюся телегу, в глубокой луже купалась большая пятнистая свинья. Лошадь наотрез отказывалась двигаться. Возница – мужичонка в рваном армяке – покрикивал на заплывшее жиром существо, но никакого проку от этого не было. Вдруг откуда-то из подворотни выскочила мелкая, размером с кошку, рыжая дворняжка и, подбежав к хрюшке, что-то протявкала. В ответ раздалось радостное повизгивание, и оба животных,

продолжая переговариваться, скрылись в ближайшем дворе.
Движение на Генеральской возобновилось.

Знакомства

Дом обер-квартирмейстера имел восьмой порядковый номер и действительно выделялся среди других. Двухэтажный, с большими светлыми окнами, он казался сказочным великаном по сравнению с приземистыми, крытыми соломой мазанками, разбросанными окрест.

Комнату надворному советнику отвели на втором этаже, окнами на Комиссариатскую улицу. В гостиной суежилась прислуга: молодая, лет двадцати, девушка в косынке и длинной до пят юбке, накрывая на стол. Лакей тем временем уже занес большой кожаный чемодан гостя и теперь с трудом втаскивал громоздкий деревянный ящик, доверху набитый камнями.

– А энто, вашбродь, куды изволите?

– А вот рядом с кроватью и поставь, – махнул рукой надворный советник.

Дверь приоткрылась, и на пороге возник хозяин дома.

– Уж не перепутал ли, Фома, часом, багаж? – указывая на торчащие углы ракушечника, неуверенно выговорил Игнатьев.

– Вы про камушки? Мои, мои. Притащил с собой по велению вышестоящего начальства, дабы выявить истинную стоимость строительства казенных ставропольских зданий из

сходственного местного материала.

– Ну да, – недоуменно протянул полковник. – Приглашаю спуститься к чаю.

– С удовольствием.

Внизу, посередине просторной и светлой столовой господствовал накрытый белой скатертью круглый стол из орехового дерева с медным, хорошо начищенным самоваром, увенчанным пузатым фарфоровым чайничком фабрики Попова. Легкий дымок живописно клубился под самым потолком. Пахло древесным углем, ароматным кизиловым вареньем, и откуда-то из соседней комнаты внезапно ворвался аромат флер-д'оранжа, а вслед за ним показалась дама в длинном и свободном одеянии. В ее глазах читалась скрытая грусть и какая-то печальная безысходность, поселившаяся на бледном, цвета мелованной бумаги лице.

– Агриппина Федоровна, моя жена, – любезно представил супругу полковник.

Беременная брюнетка в муслиновом платье с круглым, будто отраженным в воде маленьким облачком-животом, слегка распухшим носом и пополневшими губами с трудом выдавила любезную улыбку и протянула гостю маленькую изящную ручку.

– Премного рад знакомству. Иван Авдеевич Самоваров, – надворный советник галантно поклонился и едва прикоснулся губами к нежной, как бархат, коже.

– Наш гость из столицы, из самой что ни на есть цивили-

зации: с театрами, газетами и французскими магазинами, – вздохнув, произнес Игнатъев.

– Ах, неужели! А я, право же, никогда не была в Петербурге.

– А вот родишь мне богатыря, окрепнешь, а потом и к берегам Невы наведаемся! – пододвигая жене стул, весело пробалагурил полковник.

– Буду рад, дорогая Агриппина Федоровна и уважаемый Родион Спиридонович, видеть вас в стенах моего дома, – учтиво склонил голову Самоваров.

– Благодарим за приглашение. А вы надолго к нам? – подавая гостю чай, поинтересовалась хозяйка.

– Это уж одному богу известно. Хорошо бы, конечно, управиться до заморозков. Очень уж не хочется назад в саях возвращаться, – прихлебывая чай, простодушно заметил Иван Авдеевич и вдруг предложил: – А что, если нам сегодня еще и в гарнизон наведаться? А? Родион Спиридонович?

– Как пожелаете, Иван Авдеевич...

– Вот и славно... Вы уж не обессудьте, Агриппина Федоровна, но хотелось бы безотлагательно приступить к делам. Однако же, думаю, мое общество еще успеет вам изрядно наскучить, – вставая из-за стола, извинительным тоном выговорил надворный советник.

– Ну что вы! Буду с нетерпением ждать ваших рассказов о Петербурге, – прощebetала раскрасневшаяся от жарко на-топленной печи и горячего чая Агриппина.

Полковник с гостем вышли во двор. Раскидистый клен уже сбросил листву, и только увитая плющом деревянная беседка, выкрашенная в летний зеленый цвет, горделиво смотрелась на фоне пристыженных из-за своей внезапной наготы деревьев.

– Ох и красота! Прямо райский уголок, – восторженно изрек Самоваров.

– В этом, поверьте, нет моей заслуги. Все благодаря моему тестю. Федор Архипович строил дом для себя, но недавно овдовел... А когда я попросил у него руки дочери, он подарил его нам, а сам поселился в хате бывшего казачьего старшины. Тут, знаете ли, после переселения казаков на новую линию станица совсем опустела, и дома обесценились. Вот тесть-то мой и не растерялся, скупил за бесценок сразу несколько подворий. На месте одного из них он сейчас строит второй каменный дом. Купец-то он ухватистый, дай бог каждому, своего не упустит.

– А что, Родион Спиридонович, горцы все еще балуют? Мне генерал тут занятную историю поведал об исчезнувшем обозном офицере: «Ушел, – говорит, – на службу и не вернулся».

– Да-да. Поручик Рахманов пропал. Как корова языком слизала! Ко мне дважды его жена приходила, вся в слезах. Она ведь с Агриппиной в одном положении – на девятом месяце, и тоже первенца ждет.

– А вы-то при чем? Он что же, под вашим началом пре-

бывал?

– Нет, просто дружили семьями, и я собирался стать крестным отцом его будущего ребенка. Корней для меня как младший брат был, – потухшим голосом произнес полковник и подошел к колодцу. Он молча бросил в темную бездну ведро, поднял его, зачерпнул оловянной кружкой холодной воды и протянул Ивану Авдеевичу: – Не желаете?

– Благодарю, Родион Спиридонович, да ведь только что чайком баловался.

– Как знаете, – пробормотал Игнатьев и большими нервными глотками выпил до дна. – Ну что, в гарнизон?

– Да уж, пожалуй, – согласился Самоваров, придерживая цилиндр и развевающиеся от ветра пелерины крылатки. Непослушные куски материи вздымались при ходьбе, и это делало петербургского чиновника похожим на ветряную мельницу.

Столичный гость мало отличался по внешнему виду от местных состоятельных горожан и мог бы легко сойти за какого-нибудь судью или даже статского генерала, если бы не его широкий боливар – шляпа с большими полями, кверху расширявшимся цилиндром. Такого здесь еще не видывали! Даже в Петербурге и Москве этот головной убор носили лишь самые отчаянные модники либо скрытые противники монархизма – сторонники республики и Симона Боливара, лидера восстания народов Латинской Америки против испанского владычества. Сказать по правде, Иван Авде-

евич об этом и не подозревал, когда его дражайшая супруга вернулась после очередной прогулки по Невскому с ворохом пакетов и свертков, перевязанных тонкой бечевой. Наталья Петровна с неопишуемой радостью извлекла из черной, будто вымаранной в саже коробки новомодный головной убор. Она тут же водрузила заморскую шляпу на круглую лысеющую голову мужа и, весьма довольная собой, радостно захлопала в ладоши. Иван Авдеевич с некоторой опаской приблизился к висевшему на стене овальному, в бронзовой раме, зеркалу, внимательно посмотрел на себя, тяжело вздохнул и с натянутой улыбкой поблагодарил жену. На следующее утро он вроде бы случайно попытался надеть старый привычный цилиндр, но, поймав на себе строгий взгляд супруги, кивнул и покорно облачился в обновку. С тех пор прошло три месяца, он настолько привык к боливару, что казалось, носил его всегда, но в глубине души он его ненавидел.

Багряная осенняя листва, подхваченная порывистым северным ветром, кружила по улице, нороя спрятаться за деревьями и углами домов, но, не найдя пристанища, будтостая бродячих собак отчаянно бросалась в ноги прохожим и вновь убегала вниз, теряясь в дорожках бульварной аллеи.

Впереди пестрела ярко-красная вывеска «Вещевого магазина». Серое здание, несмотря на устроенные при входе колонны, производило мрачное впечатление. Причиной тому были зарешеченные, на манер тюремных, окна кабинетов, выходивших на улицу. Там же располагался и штаб Навагин-

ского пехотного полка. В одной из комнат, судя по всему, в интендантской, корпел над бумагами офицер лет тридцати. Увидев полковника, он подскочил и вытянулся в приветствии.

– Сидите, сидите, Николай Карпович, – по-свойски распорядился Игнатьев. – Вот, познакомьтесь – Самоваров Иван Авдеевич, прибыл из столицы с инспекцией по вашу душу. – И, обращаясь уже к надворному советнику, сказал: – Вы уж, я думаю, и без меня разберетесь. А вечером, Иван Авдеевич, ждем вас на ужин. Честь имею.

Полковник удалился, и в комнате повисла напряженная тишина.

– Ну-с, с чего начнем? – робко осведомился хозяин кабинета.

– Думаю, со знакомства. Насколько я понял, вы являетесь провиантмейстером Навагинского полка, только вот фамилия ваша...

– Рыжиков... Рыжиков Николай Карпович.

– Ну вот, теперь понятно, – разглядывая полкового интенданта, задумчиво протянул надворный советник. – Итак, хотелось бы для начала проверить состояние складских помещений и заодно ознакомиться с учетными книгами по каждому хранилищу.

По лицу штабс-капитана пробежала едва заметная тревожная тень, но быстро растворилась в поддельной улыбке.

– Как будет угодно. Прошу за мной, – предложил офицер

и, выйдя во двор, неспешно направился к цейхгаузам, находившимся под охраной часовых.

Интендантский двор напоминал пятиугольник. Недавно выстроенные склады Кавказской линии выглядели монолитными каменными сооружениями в три этажа с уходящими в землю подвалами. Снизу, со стороны Подгорной слободы, это грандиозное хранилище армейского провианта, амуниции и боеприпасов походило на фортификационное укрепление, способное выдержать любое артиллерийское бомбардирование. Так, собственно, и было.

Осмотрев два десятка помещений, Самоваров внимательно изучил каждую строку в складской книге на интересующую его дату – 1 октября. Но к величайшему своему удивлению, он не нашел какого-либо упоминания о золотом обозе.

– Как вы объясните, господин штабс-капитан, что в учетных книгах, кои были представлены мне для ознакомления, даже не упоминается о том факте, что в ночь с первого на второе октября сего года в один из складов Интендантства поступил на хранение груз следовавшего через Ставрополь персидского обоза? – Самоваров впился в офицера пронзительным взглядом.

Штабс-капитан на мгновение задумался, но тут же нашелся:

– Дело в том, что мы осмотрели лишь часть помещений, относящихся непосредственно к Навагинскому полку. Но имеются еще и дополнительные подвальные хранилища, в

одном из них как раз и находилось несколько сундуков из персидского обоза. Я прекрасно помню тот день, поскольку Рахманова нигде не могли найти и мне пришлось лично внести запись в складскую книгу.

– Так чего же мы ждем? Давайте осмотрим.

– Это хозяйство полковника Безлюдского и его бывшего подчиненного поручика Рахманова. С тех пор как он пропал, ключи находятся в Интендантстве, но если вы желаете, я за ними схожу.

– Сделайте милость.

Поручик уже собрался идти, как надворный советник его окликнул:

– Погодите, господин штабс-капитан, позвольте один вопрос?

– Да.

– Если уж вы так хорошо помните тот самый день, когда прибыл обоз, то, вполне вероятно, вы можете сказать, чей караул был выставлен перед этим складом?

– Караул сопровождения фурштата. Его сняли на следующий день, как только сундуки погрузили на телеги.

– После убытия обоза этот подвал охранялся часовым?

– Соляные склады не предполагают отдельной охраны. Да и зачем? Часового на воротах вполне достаточно.

Сзади послышались голоса, обернувшись, Рыжиков проронил:

– А вот и начальство...

К ним приближался военный в длинной серой шинели и высокой обер-офицерской треуголке из черного плотного фетра. Рыжие усы, отчего-то напоминавшие жесткую сапожную щетку, глубоко посаженные глаза и массивный подбородок придавали внешности незнакомца слегка зловещий вид, от которого обычно приходят в испуг маленькие дети.

– Разрешите доложить, господ... – начал было рапортовать полковой интендант.

– Да полноте, Николай Карпович, – остановил доклад подчиненного старший офицер. – Родион Спиридонович уже уведомил меня о предстоящей ревизии. – И повернулся к столичному посланнику: – Позвольте отрекомендоваться – главный интендант Кавказской линии полковник Безлюдский, Григорий Данилович, если угодно.

– Надворный советник Самоваров Иван Авдеевич.

– Как проходит знакомство с нашим хозяйством?

– Только что осмотрели цейхгаузы Навагинского пехотного полка и собирались обозреть подвальные помещения, но господин штабс-капитан не взял ключи...

– А я на всякий случай их прихватил! – прервал Ивана Авдеевича Безлюдский. – Так что пожалуйста... С чего изволите начать?

– Господин надворный советник изъявил желание ознакомиться с соляным складом, в кой сгружали сундуки с персидского обоза, – бросив короткий взгляд на полковника, пояснил Рыжиков, делая ударения на двух последних словах.

– Да? А что такое? Позвольте узнать: чем вызван сей интерес? – удивленно скосил глаза в сторону столичного ревизора обер-провиантмейстер.

– На одном из сундуков обнаружен оттиск печати местного гарнизона, что противоречит циркуляру следования фурштата. Именно поэтому мне также поручено выяснить все обстоятельства, связанные с хранением груза в Ставрополе, что, впрочем, является пустой формальностью, – выпалил заготовленную фразу следователь.

– Ну разумеется! Пожалуйте в седьмой склад, – слащавым голосом пригласил Безлюдский.

Почерневшая от времени дубовая, изъеденная плесенью дверь заскрипела протяжно, завывала и, распахнувшись, охнула, будто столетняя старуха перевернулась на печи, разминая дряхлые больные косточки.

Солнечный свет едва озарил вход в темное и сырое пространство соляного склада. Штабс-капитан зажег фосфорную спичку и поднес к толстой свече, прилипшей к блюдцу с отбитым краем. Вспыхнув, она осветила стоящие у самой двери весы с гирями, несколько лопат, ржавый лом и нахмуренные лица сопровождающих.

– Вот здесь сундуки и сгружались, – нарушив молчание, объяснил Рыжиков.

– А с чем эти мешки?

– Так с солью, конечно.

«Ну и выжиги, ну и прохиндеи! – пронеслось в голове

Ивана Авдеевича. – Надо же, до чего додумались! Соль в сыром помещении намокает и весу набирает. Отсюда – излишек. Вот они с прибытком ее и отпускают... Ладно, будет время, и до вас доберусь!»

– Да, недурственно, господа, недурственно! – многозначительно, с оттенком загадочности повторил ревизор, и эта непонятная двусмысленность насторожила полковника, и по его лицу пробежала едва заметная нервная судорога.

– Разрешите? – Иван Авдеевич взял у Рыжикова свечу и внимательно обошел по периметру хранилище. Каменный пол, усыпанный во многих местах крупной солью, между плитами порос серым мхом. Съеденная грибком штукатурка давно осыпалась и оголила старую каменную кладку с кусками местами оторванного зеленоватого мха. Какое-то непонятное, смутное сомнение одолевало надворного советника и заставляло обходить помещение снова и снова. Он пытался услышать свой внутренний голос, понять, ухватить едва показавшуюся и совсем не ясную догадку, но она, словно маленькая льдина в весеннем половодье, едва появившись, уходила на дно.

– Извольте удостовериться, господин Самоваров, учетная книга с записью, о кой я вам докладывал: *«октября, 1-го дня, 1828 года, выгружено 4 сундука под №№ 6, 7, 8, 9 в опечатанном виде из обоза № 3411»*. А вот дальше: *«октября, 2-го дня, 1828 года, в 9 часов 35 минут 4 сундука под №№ 6, 7, 8, 9 в опечатанном виде получены нач. обоза № 3411 п/ком*

Карпинским Я. С. в целости и сохранности». Так что все в лучшем виде-с.

– Да-да, все понятно. Только вот не ясно: почему вы не указали время получения груза? – осведомился Иван Авдеевич.

– Виноват-с, – поймал на себе укоризненный взгляд старшего начальника штабс-капитан. – В тот вечер уже стемнело, и колокол отбил... дай бог памяти... нет... не помню. Хотя время можно уточнить у доктора Краузе. Насколько я знаю, в лазарете ведется журнал погребений. А в тот день, как раз во время выгрузки этих четырех сундуков, санитары облили госпитальные подводы известью и стали выносить из морга гробы с холерными, укрытые парусиной...

– Что?! – не сдержавшись, громко выкрикнул надворный советник, но сводчатый потолок подвала быстро погасил звук.

8

День ангела

Небольшой пузатый самовар не унимался и все продолжал кипеть. Накаленные мехами угли раскалились докрасна и не хотели остывать. В его начищенном до блеска туловище отражался полный лысоватый господин с редкими засаленными волосами и бритым лицом, одиноко сидевший в столовой полковника Игнатьева. Он тщательно выскреб из розетки остатки липового меда, допил чай, кашлянул, вытер салфеткой рот и, сложив руки, конфузливо огляделся. Убедившись, что он один, мужчина достал из бокового кармана изрядно потертого сюртука серебряную табакерку, размял пальцами щепоть и, вдохнув бобковой смеси, тут же разразился чередой нескончаемых чихов. Промокнув выступившие от блаженства слезы, он тщательно высморкался в застиранный фуляровый платок и нетерпеливо посмотрел на дверь.

Почти в ту же минуту из соседней комнаты показался полковник в архалуке – домашней куртке без пуговиц в цветную яркую полоску. Родион Спиридонович с трудом сдерживал волнение, и на его уставшем лице отражалась перенесенная за последние дни тревога, вызванная страданиями Агриппины.

– Насилу успокоил, – развел руками Игнатьев. – И как

долго это может продолжаться?

– Видите ли, господин полковник, страхи, ночные кошмары у рожениц штука, знаете ли, обыденная и вызвана, по обыкновению, предродовыми переживаниями. Но в данном случае мы наблюдаем крайнее проявление волнений и необоснованных беспокойств, выраженных в резкой ажитации мозговых полушарий. Следствием этих расстройств явились слуховые галлюцинации в виде заупокойных могильных голосов, взывающих о помощи. Такое случается...

– Послушайте, доктор, это уже длится почти месяц, и вы никак не можете вернуть Грушеньке спокойствие. Она вот-вот должна родить. Что же нам делать?

– Больше бывайте с ней на свежем воздухе. Полезны пешие неустомительные моционы. На ночь – успокоительные капли. Вот, пожалуйста, сигнатура, – доктор протянул лист бумаги, исписанный карандашом. И, почесав подбородок, неуверенно добавил: – Хорошо бы отвлечь Агриппину Федоровну от навязчивых мыслей, в театр сходить или там, на худой конец, в цирк...

– Помилуйте, сударь, – едва сдерживая гнев, возмутился полковник. – Откуда в этой дыре театр? Вы что, издеваетесь? Вы бы еще променады по петербургской набережной прописали или посещение римского Колизея! – Он на миг смолк. – Однако же прошу извинить меня. Устал я, знаете ли... Вот, сообразованно принять, – и протянул несколько ассигнаций, стремительно перекочевавших в карман сюртука гарнизон-

ного лекаря.

– Даст бог, все сладится, – перекрестился на образа доктор и в сопровождении хозяина прошел в переднюю, откуда раздалась трель входного колокольчика. Отворив массивную резную дверь, Игнатьев впустил краснощекого, пахнущего свежим воздухом Самоварова и тут же представил:

– Позвольте отрекомендовать – Иван Авдеевич Самоваров. А это – Лисовский Максим Емельянович, полковой врач.

Доктор внимательно, с ног до головы, осмотрел вошедшего, будто собираясь дать заключение о состоянии его здоровья, и, слегка прищулив правый глаз, спросил:

– Смею полюбопытствовать, уважаемый Иван Авдеевич: а грудной жабой вы, случаем, не страдаете?

– Н-не д-дум-маю, – опешил столичный посланник.

– А думать вам, милостивый государь, и не требуется. Просто приходите завтра ко мне в лазарет на осмотр, вот и узнаем.

– Ну, если вы так считаете...

– А вы разве другого мнения? Да у вас лишнего веса пуда два, не меньше!

– Простите, но ведь мы с вами примерно одной комплекции...

– А это, скажу я вам, никакого значения не имеет. Вот представьте себе, сударь, разразилась самая, что ни на есть природная катаклизма: дождь проливной, ветер свирепству-

ет, а по лужам идут двое. У них ни зонтов, ни калош, ни какой-нибудь приличной непромокаемой одежонки. А путь-то долгий. Вот наконец пришли они домой. Оба чайком горяченьким да малиновым вареньицем побаловались. Легли спать. Наутро один здоров-здоровехонек и снова на службу отправился, а другой «кхе-кхе» – кашляет, чихает, и ничто ему уже помочь не может. Так болезный и упокоился навеки. А почему? Да потому, что у всякого организма собственная надобность имеется. Что одному во благо, то другому во вред. Может, его не чаем, а водочкой поить надо было? А? Кто знает? *Habent mortalia casum*, – подняв вверх указательный палец с отбитым черным ногтем, назидательно выговорил полковой лекарь и тут же перевел: – «Все преходящее подвержено случайностям». Ну да ладно, позвольте, господа, откланяться. – Доктор вышел, спешно раскрывая на улице зонт.

– Тоже мне философ нашелся, развел тут антимионию... Ходит, ходит, а толку никакого, – раздосадованно выговорил Игнатъев и, поймав на себе вопросительный взгляд гостя, пояснил: – Недели две назад просыпаюсь среди ночи, смотрю, а супруга вся в слезах. «Слышу, – говорит, – голоса зауспокойные. Зовут они меня к себе... Умру я скоро... Ты уж ребеночка нашего воспитай, да не забудь мне показать – на могилку мою его принеси». С тех пор каждая ночь для нее – мука мученическая. Да и доктор уврачевать ее никак не может. Вот и сейчас – плачет, насилу успокоил. Сегодня

вечером пожалует наш главный лекарь – доктор Краузе. Надеюсь, он поможет. Даст бог, все сладится.

– А капелек успокоительных не давали? – участливо поинтересовался Самоваров.

– Чего только не пробовали! И «адский камень» прикладывали, и бобковой мазью натирали; цветочные отвары, эликсиры, снадобья всяческие, даже старуху вещунью приводили, а все без пользы! Единственно и осталось, что молиться... А вот и она.

– Добрый вечер, Иван Авдеевич, ну и каковы же первые впечатления о нашем захолустье? – слегка улыбаясь, проговорила хозяйка. Ее бледное лицо казалось утомленным и немного обеспокоенным, а налитые красной усталостью глаза хранили печаль недавно выплаканных слез. Но в грустном облике этой изящной женщины присутствовала чистая, свойственная только роженицам святая красота, надежно упрятанная в балахоноподобное платье.

– Откровенно говоря, Агриппина Федоровна, я видывал места и похуже. А здесь и boulevard, и даже ресторация имеется...

– К сожалению, вы перечислили исчерпывающий перечень увеселительных заведений. Правда, наши лихие офицеры от скуки забавляются еще и дуэлями, а в перерывах между ними – преферанс, винт и фараон, – горько вздохнула Агриппина.

– О, я вижу, ты неплохо разбираешься в картах! – по-доб-

рому сыронизировал Игнатьев.

– Вы слышите, слышите, кто-то стучит в стену! – испуганно выговорила женщина белыми как мел губами.

– Успокойся, дорогая, это мастера отделяют комнату для нашего малыша. Прикажи лучше на стол накрывать – скоро гости заявятся, – пытался отвлечь супругу от грустных мыслей полковник.

– Ну а я, пока есть немного времени, с вашего позволения, поднимусь наверх.

– Отдохните хоть немного, Иван Авдеевич. А то с дороги и сразу в Интендантство отправились...

– Служба-с.

Самоваров поднялся в комнату, зажег свечу и устало плюхнулся на кровать. Прислонившись к настенному коврику – подобию дешевого гобелена, изображавшего полногрудых пастушек, трубадуров и сказочных птиц, он прикрыл глаза. Ему всегда так лучше думалось. От накопившейся за день усталости бешено стучало в висках, но пренебрегать возможностью новых знакомств тоже не следовало. «Для первого дня новостей предостаточно. К тому же выясняется неожиданная подробность: в то самое время, когда в соляной склад заносили сундуки с золотом, одновременно на подводы грузили умерших. А что, если взглянуть на пропажу с другого боку и представить, что ключ, имевшийся на связке у полковника Карпинского, никто не трогал, а просто подменили сундук? Допустим, его поменяли местами с другим,

спрятанным среди гробов, накрытых парусиной? Наверняка охрана, увидев приближение облитых известью холерных дрог, разбежалась как пуганые зайцы, опасаясь заразиться этой страшной болезнью. То, что они на время бросили без присмотра груз, весьма вероятно, да только в этом теперь никто не признается, включая самого начальника обоза. А ночью, при тусклом свете факелов и близости лазаретных подвод, заменить сундуки было совсем не сложно. С такой работой весьма легко могут справиться два человека. Но ведь тогда получается, что сундук-двойник должен был иметь две фальшивые печати? Ну да, их смастерили заранее при помощи гипса. В таком случае все выглядит логично: солдаты приняли набитый камнями сундук за настоящий, снесли его в хранилище, а утром он был опломбирован уже в третий раз. И обоз тронулся. Теперь понятно, почему не имеется следов проникновения в склад. Что ж, пока это единственный способ объяснить случившееся... Вот так-то! Но кто же эти двое? Возможно, служащие лазарета или те, кто выдавал себя за них...»

Ветер усилился и принес с собою мелкий, но настырный дождь. Косая капельная дробь барабанила по стеклу и резному деревянному подоконнику, выбивая замысловатый ритмический рисунок. Молодая дубовая ветка словно привидение стучала в оконницу, будто испрашивая разрешения войти. Недовольно зашипел фитиль, и тусклый, скачущий неровными языками огонь стал выхватывать из полумрака

причудливые тени предметов, придавая знакомым очертаниям зловещий облик. Близость скорой невидимой опасности на мгновение овладела Самоваровым, но тотчас отпустила, оставив едва заметный горький след в душе. «Вот уж точно по дому затосковал, – подумал Иван Авдеевич. – Да и немудрено, почитай, две недели Анечку, Танечку и маленького проказника Алешку не видел; Наталья одна... скучает, наверное».

Снизу послышались незнакомые голоса, и надворный советник, поправив отложные петлицы на форменном фраке, спустился в гостиную. Ему навстречу вышел полковник, уже успевший переодеться в военный мундир. Став влоборота к Ивану Авдеевичу, он проговорил:

– Позвольте представить – Иван Авдеевич Самоваров, прошу любить и жаловать, инспектор Провиантмейстерской комиссии при Главном штабе. Прибыл из столицы ревизовать наше гарнизонное хозяйство.

Иван Авдеевич поочередно склонял голову и подходил к каждой семейной паре, в то время как полковник представлял гостей:

– Латыгин Харитон Поликарпович, обер-комиссар, с супругой Марией Антоновной.

Казнохранитель, облаченный в темно-зеленый повседневный мундир с золотыми петлицами и обшлагами, носил небольшие аккуратные усики и эспаньолку. Круглые «глазастые» очки делали его похожим на старого, разжиревшего от

спокойной жизни филина. В свои пятьдесят шесть он осознал, что пора перестать суетливо карабкаться по карьерной лестнице, и, присев на ступеньку, понять, что пришло время позаботиться о собственном благополучии. По правде говоря, он и раньше себя не забывал, но теперь делал это с еще большим размахом. Именно это и почувствовал Самоваров, когда чиновник, унижительно приседая, пожимал двумя руками ладонь столичного ревизора. Его жена, напротив, с интересом рассматривала гостя, и на ее тронутом незаметно подкравшейся старостью лице еще читалось прежнее, давно ушедшее обаяние когда-то веселой и беззаботной барышни.

– Примите уверения в чувствах совершеннейшего к вам почтения, – расточал любезности Латыгин.

– Безлюдский Григорий Данилович...

– А мы с Иваном Авдеевичем уже знакомы! Покорнейше просим! – растягивая рот в неестественно широкой улыбке, обер-провиантмейстер долго и душевно тряс Самоварову руку.

– Ах да, виделись в Интендантстве, вероятно, – догадался Игнатьев. – Ну тогда позвольте представить очаровательную Анастасию Филипповну, супругу Григория Даниловича.

Невысокая молодая женщина лет тридцати, в кружевной накидке и черных муаровых юбках, с аккуратным, вздернутым носиком, с ниспадающей на лоб челкой, с готовностью протянула изящную ручку в фильдекосовой митенке. Едва дотронувшись до кончиков ее пальцев, надворный советник

почувствовал давно забытое ощущение трепетного восторга, от которого перехватывает дыхание и стучит в висках. «Роковая женщина», – пронеслось у него в голове, и, как всегда, робея перед очаровательными искусительницами, он невнятно пробормотал:

– Премного польщен вашим присутствием, мадам.

– Взаимно, сударь. Надеюсь, вы найдете время погрузить нас в поэтические эмпирии столицы? – кокетливо опустив томный взгляд, пропела красавица.

– Несомненно, мадам.

Родион Спиридонович подошел к высокому сухопарому немолодому господину с бритым лицом. Длинный, слегка раздваивающийся к кончику нос, широкие бакенбарды и уже забытая в столице, но еще модная в провинции прическа ту-пей – с подбитыми спереди и зачесанными назад волосами – делали его несколько старомодным и похожим на торговца в немецком мясном ряду. И только темно-зеленый мундир с отливающими серебром волнообразными петлицами на воротнике, белые панталоны, заправленные в высокие ботфорты, и офицерская шпага указывали на штабной чин – главного врача всей Кавказской линии. Его спутница – полнеющая дама с живыми глазами и морщинистым лицом – напоминала добрую бабушку с иллюстрации сказки Шарля Перро «Красная Шапочка».

– Позвольте представить – обер-лекарь Краузе Отто Карлович с супругой Мартой Генриховной.

– Весьма рад, – надворный советник склонил в почтении голову.

– Скажите, а госпиталь вас тоже интересует?

– Да разве что так, для общего представления.

– Ну, так милости просим хоть завтра, – разведя руками, любезно пригласил доктор.

– Непременно наведаюсь.

– И наконец, мой старый друг – Арчаковский Андрей Петрович, командир Навагинского пехотного полка.

Высокий, статный офицер лет сорока с пышными, нафабранными до угольной черноты усами приветствовал Ивана Авдеевича коротким рукопожатием:

– Надолго к нам?

– За седмицу, даст бог, управлюсь, – просто ответил надворный советник и подумал: «Сухая и крепкая рука – признак верного здоровья. А у Безлюдского ладони-то потеют – жаден, стало быть, без меры... Господи, как же похож этот вояка на арестованного начальника обоза, прямо одно лицо. Только шрама нет. И возраст тот же, и взгляд: открытый, но пронизывающий, как штык гренадерской винтовки. Уж не родственник ли ему?»

– Вера Ефимовна, моя жена, – не дожидаясь Игнатьева, представил супругу полковник. Самоваров поднял глаза и увидел блондинку средних лет с завитыми локонами, в длинном платье из белого дамà⁵ с черными кружевами. Ее лицо

---

⁵ Дамà – разновидность шелковой ткани (прим. авт.).

напоминало рисованное сердечко: открытый лоб, карие глаза, правильный нос и немного увеличенные азиатские скулы при остром подбородке завораживали и притягивали магнитом... если бы не тонкогубый, почти лягушачий рот. Разделив очаровательное личико на две неровные части, он придал ему выражение неуместной строгости и высокомерия, ставшее, судя по всему, чертой ее характера. «Полковная командирша», – мысленно закончил устный портрет Самоваров и, устав от официоза, выговорил скороговоркой:

– Безмерно-рад-знакомству-с.

Послышался легкий скрип, и высокие двустворчатые двери гостиной, словно веки внезапно разбуженного исполинского старца, медленно и тяжело открылись.

– Кушанье подано, – обратился к гостям лакей с белоснежной салфеткой через руку.

Приглашенные парами прошли в столовую. В центре выставленной новым паркетом прямоугольной комнаты главенствовал овальный стол с приставленными к нему стульями с высокими спинками. У самого входа в кадках росли два молодых дерева: померанцевое и апельсиновое с уже распустившимися соцветиями. Аромат средиземноморских растений плыл по комнате, заглушая запах горящего воска в настенных бронзовых канделябрах. Огненные хвосты свечей отражались в развешанных зеркалах и, усиливая свет, тянулись дымной ниткой вверх, к украшенному лепниной потолку. По двум дальним углам на пьедесталах, словно античные

статуи, возвышались высокие вазы с домашними цветами.

Перекрестившись, гости стали рассаживаться. По существующей традиции мужчины заняли места по одну сторону стола, женщины – по другую, но так, чтобы супруги оказались напротив.

На белоснежной скатерти, среди расставленных кувертов⁶, блюд и соусов, возвышались жирандоли⁷ из золоченой бронзы – на пять свечей каждая. Как и подобает хозяйке, Агриппина Федоровна самолично разливала горячее, а лакей разносил на подносе уже полные тарелки.

– Дивный вкус, господа. Признаться, такого горячего мне еще откушивать не приходилось. Как называется это блюдо? – промакивая белоснежной салфеткой рот, поинтересовался Безлюдский.

– Калья, Григорий Данилович, – ответил Игнатьев.

– А не одолжите-ка на пару дней мне вашего кудесника? Пусть и меня побалуует!

– Повар здесь ни при чем. Это сам Родион готовил, – с ноткой гордости объявила Агриппина.

– Что ж, Родион Спиридонович, тогда откройте нам секрет вашего чудодействия, – не унимался обер-провиантмейстер.

– Ну что вы, господа, здесь нет никакого секрета. В калю, как и в уху, тоже кладут рыбу, но только очень жир-

---

⁶ Куверт (уст.) – столовый прибор на одно лицо (прим. авт.).

⁷ Жирандоль (уст.) – большой фигурный подсвечник (прим. авт.).

ную: осетра, севрюгу, белугу или большого карпа. Но главная особенность жидкой части этого рыбного супа состоит в том, что наряду с водой в него, примерно наполовину, вливается огуречный рассол. Это надобно сделать минут через двенадцать после варки рыбы в кипящей воде. Не забудьте добавить несколько луковиц, картофель, мелко нарезанные соленые огурцы и, конечно же, свежую икру. Поперчите, посолите, положите петрушку и лук-порей. Варить недолго – примерно с четверть часа. После снятия с огня выдавите в кастрюлю целый лимон. Вот и все. Как видите, Григорий Данилович, ничего сложного. Я научился готовить калью еще в семнадцатом, когда служил в Тифлисе под началом славного Алексея Петровича Ермолова. Это было его любимое кушанье.

– Недавно Родион потерял брегет, подаренный ему генералом на тридцатипятилетие, – с сожалением вымолвила Агриппина.

– Да, видно, обронил где-то. А ведь я их с двадцать третьего года носил, – тяжело вздохнул полковник.

– Имейте в виду, господа, – брегет за мной! А то, глядишь, и восьмое августа на носу! И думай тогда, что выбрать на день рожденья старому вояке! – весело пробалагурил Арчаковский.

– Зачем же ждать, господа? Я хотел бы это сделать прямо сейчас. – Самоваров отстегнул цепочку и протянул Игнатьеву золотую луковицу часов. – Примите, Родион Спиридоно-

вич, от меня на добрую память.

– Я, право, и не знаю, Иван Авдеевич, могу ли я... Чувствительно вам благодарен, – слегка смутился Игнатъев.

А на лице надворного советника было написано величайшее блаженство и умиротворенность. Иван Авдеевич любил преподносить окружающим неожиданные и приятные сюрпризы. Для него было сущим наслаждением созерцать, как в радостных вспышках человеческих глаз рождается короткое, мимолетное и, к сожалению, быстро проходящее счастье. В такие мгновения ему казалось, что оно вполне осязаемо и представляет собой простую материальную субстанцию – очень похожую на робкий утренний луч, нечаянно забежавший в еще не проснувшуюся комнату.

В столовую внесли жаркое, и настала первая перемена блюд, а значит, пришло время главной здравицы.

– Господа, разрешите предоставить нашему гостю почетное право объявить первый тост, – обратился к присутствующим хозяин дома.

Самоваров встал с наполненным бокалом в руке и, дождавшись, пока поднимется вся мужская половина, громко произнес:

– За государя императора, самодержца российского!

Гости дружно опустошили фужеры и заняли прежние места.

– Скажите, Иван Авдеевич, а какое сейчас в столице самое модное кушанье? – любопытствовала хозяйка.

– Макароны, – просто ответил надворный советник и добавил: – Это такое итальянское блюдо, его изобрели в Венеции, изготовленные из муки трубочки. Их некоторое время варят, потом посыпают итальянским твердым сыром «пармезан» и едят. Тут лучше недоварить, чем переварить, однако некоторые гурманы добавляют в воду столовую ложку оливкового масла.

– Наверное, очень вкусно? – заглядывая собеседнику в глаза, поинтересовалась Агриппина.

– Моей жене нравится, а я, признаться, с большим удовольствием променял бы это иностранное диво на наш растегайчик с вязигой и налимьей печенкой, – усмехнулся Иван Авдеевич.

– А вот что я вам скажу, господа, – накладывая в тарелку кусок фаршированного гусьями гуся, начал повествование полковник Игнатъев. – Недавно из Тифлиса мне привезли тамошние газеты, и в «Кавказских ведомостях» я прочел доселе неизвестный факт: один французский лекарь доказал, что питательная и вкусная пища препятствует появлению на лице морщин. Она придает глазам больше блеска, а коже – более свежести и в то же время укрепляет мускулы, потому как морщины суть главные враги красоты, и появляются они единственно по причине сокращения мускулов. После многочисленных опытов он открыл, что при одинаковых обстоятельствах те, кои умеют хорошо и аппетитно есть, выглядят десятью годами моложе других, чуждых этой привычке.

– Я слышала, Иван Авдеевич, что в столице уже давно лечат без докторов и лекарств. Сказывают, сейчас в моде лечение по методу грефенбергского доктора Присницы: больному пациенту после ужина дают выпить четыре-пять графинов родниковой воды и велят пройти пешком пять верст. Вернувшись домой, надобно незамедлительно опустошить еще два графина и лечь спать около нагретой печи. Наутро страдающий недугом человек самостоятельно излечивается от любой болезни. Это правда? – подняв глаза на Самоварова, супруга обер-комиссара с непроницаемо серьезным лицом ожидала ответа.

Надворный советник положил приборы, промокнул салфеткой рот и уже собирался было ответить, как в разговор вмешался доктор Краузе:

– Правда, Мария Антоновна, истинная правда! Да только при одном условии: то была «живая вода» из волшебного источника! Ну разве можно в наш просвещенный век монгольфьеров, электрической дуги и паровых машин верить всякого рода архиплутам! Лет пятьдесят назад считалось, что лечение магнитами по способу австрийского доктора Месмера – сущая панацея! Да ведь к нему монархи на прием записывались! И что? Оказалось чистое шарлатанство! Крепкая семья, умеренность в кушаньях и питье – вот залог человеческого долголетия!

– Что ж получается, Отто Карлович, вы отрицаете любые новшества? А как же тогда ваш метод лечения с использова-

нием алебастра? – вступился за супругу Латыгин.

– Этот способ далеко не нов, и моя заслуга лишь в том, что я усовершенствовал его. Еще во время кавказских экспедиций генерала Ермолова я обратил внимание, как горцы лечат переломы. Поврежденную конечность они обертывали шкурой, снятой с только что освежеванного барана. Несколько недель эту своеобразную повязку не снимали; шкура, засыхая, образовывала твердую, неподвижную коробку, и кость постепенно срасталась. Даже их метод был много лучше, нежели построение медленно застывающей и ломкой крахмальной шины. Спасибо поручику Рахманову, выдавшему на лазарет несколько мешков строительного алебастра.

– Рахманов? Это тот самый бесследно пропавший офицер? – как бы невзначай уточнил Самоваров.

– Да-да, только он никуда не исчез, он здесь! Я знаю, я слышала его голос! Корней звал меня, умолял помочь, а я не пришла. Ну почему мне никто не верит? – Агриппина закрыла лицо руками и неожиданно зашлась в судорожных и продолжительных рыданиях.

Игнатьев подбежал, обнял жену за плечи и, успокаивая, вывел в другую комнату. Затем он вернулся и пригласил доктора, который поспешно скрылся за дверью спальни комнаты.

– Вы уж помилуйте великодушно, господа, что так получилось. Я ведь и представить не мог... – сокрушался гость.

– Полноте, Иван Авдеевич, вы уж тут ни при чем, – ядо-

вито улыбаясь, едва слышно пропела жена полкового командира, – во всем виноват этот француз.

– Кто, простите? – опешил надворный советник.

– Француз по фамилии Адюльтер, – прошептала Вера Ефимовна и, довольная собственной остротой, захихикала.

– Слезы на именинах дурная примета, – грустно проронила Марта Генриховна. – У Родиона Спиридоновича сегодня день ангела, и после второй перемены следует объявить в его честь тост. Надеюсь, мы еще успеем это сделать.

– Ну вот, стало быть, мой подарок пришелся весьма кстати.

В отсутствие хозяев гости почувствовали неловкость и замолчали. Тишину нарушила очаровательная супруга Безлюдского. С изрядной долей кокетства она поинтересовалась:

– Иван Авдеевич, но право же, расскажите что-нибудь о знаменитостях! Вы, случаем, с Пушкиным лично не знакомы?

– Нет, знаете, не приходилось, а вот стихи-то его некоторые почитывал... – сказал и тут же осекся Самоваров, понимая, что это стихотворение декламировать никак нельзя. Еще в январе прошлого года по Петербургу разошлось переписанное от руки послание, обращенное к мятежникам 14 декабря. Позже сотрудниками III отделения было установлено, что автором его являлся упомянутый господин Пушкин. Иван Авдеевич хорошо запомнил первые строки:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...

– Ну же? Мы ждем чего-нибудь новенького! – не унималась слегка экзальтированная Анастасия Филипповна.

– Минуточку... – напрягал мыслительный процесс Самоваров, но ничего другого, к сожалению, вспомнить не мог. И тут, слава богу, на выручку пришел Безлюдский:

– А с Каратыгиным не встречались?

– Нет-с, не довелось, но рассказывают про него один весьма смешной эпизод, – облегченно выдохнул надворный советник.

– Ну так расскажите же поскорее! – тоном капризного ребенка потребовала неугомонная Анастасия Филипповна.

– А дело было так. Государь, находясь в Александринском театре, во время антракта прошел за кулисы, с тем чтобы лично поблагодарить актеров за прекрасную игру. Прибывая в шутовском настроении, он обратился к Василию Андреевичу: «А правда, говорят, Каратыгин, что ты можешь ловко превратиться в кого угодно?» – «Совершеннейшая правда, ваше величество» – ответил артист. «А меня, к примеру, можешь, изобразить?» – недоверчиво спросил самодержец. «Могу, ваше величество». – «А ну-ка попробуй!» – с тенью легкого сомнения предложил государь. Актер тут же

встал в наиболее характерную для Николая Павловича позу и, обращаясь к директору императорских театров Гедеонову, голосом царя громко распорядился: «Послушай-ка, Гедеонов! А выдай-ка незамедлительно артисту Каратыгину двойное жалованье за этот месяц». Государь рассмеялся и, глядя на Гедеонова, добавил: «Извольте исполнить монаршую милость». И Василий Андреевич тотчас же был вознагражден.

– Восхитительно! – захлопала в ладоши Безлюдская.

– А какие у нас в провинции анекдоты случаются! Ни за что не поверите! Помнишь, дорогой, ту историю про сундуки? – обратилась к мужу Латыгина. – Ну, когда вы по казенной надобности накупили у лавочника Ерофея уйму ненужных сундуков и сгрузили их на склад этого Рахманова. В одном из них спал пьяный приказчик... – Увидев бледного, как веленевая бумага, мужа, дама слегка растерялась, но все-таки закончила рассказ: – А утром, когда его открыли, он был уверен, что находится в загробном мире, и, приняв караульного солдата за ангела, стал ему исповедоваться. Не правда ли, господа, смешно?

В ушах Латыгина стучала барабанная дробь, а лицо покрылось липким и противным, как прокисший холодец, потом. От внезапно накотившего стыда он прикрыл глаза и будто в страшном сне увидел, как его, уже переодетого в каторжные обноски, гонят этапом в Сибирь. Вырвав синюю обеденную салфетку, заправленную под толстый двойной подбородок, обер-комиссар судорожно вытер ею пот со лба и, слегка

задыхаясь, обратился к Самоварову:

– Когда изволите почтить визитом мое ведомство?

– На днях, думаю...

– Буду ждать с нетерпением... Смею откланяться, господа, – резко выговорил казначей и решительным шагом направился в переднюю, а рядом с ним, шепча и причитая на ходу, точно собачонка, торопливо перебирала короткими ножками Мария Антоновна.

Лакей тем временем поменял скатерть, и на столе появился кипящий тульский самовар из красной меди, пузатый заварной чайник с плетеным серебряным ситечком, низенькие, на китайский манер, чашки с блюдцами, хрустальная масленка, тартинки в корзинках, сладкие сухарики и густые желтые сливки в фарфоровом молочнике. Крыжовенное, вишневое и абрикосовое варенье в хрустальных розетках мгновенно наполнило комнату ароматами ушедшего лета.

Мерцающие отблески свечей, отражавшиеся в темных стеклах окон, неожиданно дрогнули и заколыхались, борясь с набежавшим из отворенных дверей сквозняком, – в комнату вошли Игнатьев и Краузе.

– Прошу извинить за столь длительное отсутствие, но к десерту мы все-таки поспели. Агриппине Федоровне уже значительно лучше, и она непременно к нам присоединится. Пришло время наполнить кубки! – натужно изобразил веселость полковник.

– Старый боевой друг! Родион! В день твоего ангела позволь искренне пожелать тебе и всем твоим домочадцам божьего вспоможения, истинного благоденствия, крепкого дружеского плеча и богатырского здоровья! За святого апостола Родиона! – поставленным командирским голосом, от которого слегка звенело в ушах, пробасил Арчаковский.

– Благодарю, господа, благодарю.

Гости весело обсуждали местные сплетни, наперебой расспрашивали Самоварова о столичных новостях, поднимали бокалы за здоровье хозяев и разошлись только за полночь, подставляя под слабую осеннюю морось черную парусину зонтов.

Запах расплавленного воска, смешанный с табачным дымом, наполнил гостиную. На диване из зеленого кретона, утопая в мягких подушках, потягивал трубку Самоваров. Напротив, полулежа в глубоком вольтеровском кресле, с заморской сигарой блаженствовал Игнатъев. Полусонный лакей Филька в линялой плисовой жилетке беззвучно, словно привидение, проплывал по комнатам и гасил щипцами-съемами растаявшие наполовину свечи в настенных канделябрах.

– Как самочувствие Агриппины Федоровны? – вежливо осведомился надворный советник.

– Слава богу, заснула.

– Сдается мне, Родион Спиридонович, что чем раньше прольется свет на исчезновение Рахманова, тем скорее в ва-

шей семье наступит мир и покой.

– Вы правы, Иван Авдеевич. Видимо, придется мне самому заняться его поисками. И поверьте – я найду его, чего бы мне это ни стоило.

– Можете рассчитывать на мою помощь.

– Благодарю вас. Знаете ли, я слышал, что тень-призрак безвестно сгинувших покойников преследует людей до тех пор, пока останки несчастного не будут погребены по церковному обряду; только вот я запомнил, как эту тень величают...

– Следь...

Вдруг с шумом распахнулось большое окно гостиной, и в комнату, раздувая пузырем легкие кисейные занавески, ворвался сумасшедший ветер. Неожиданно черный квадрат окна осветился, и небо, расколотое на части десятками шрамов молний, разразилось бурлящими потоками падающей воды, будто силясь отмыть испачканную людскими грехами землю.

Реприманд

Бревенчатое здание лазарета строилось еще в первые годы основания крепости и в те стародавние времена состояло из трех больших и двух малых комнат. За последние десятилетия к дому приросли новые, частью деревянные, а кое-где и каменные пристройки. Оштукатуренное и выкрашенное в один серый цвет длинное одноэтажное сооружение, именуемое госпиталем, или лазаретом, с узкими, будто бойницы, окнами весьма напоминало батальонную казарму, но другого лечебного учреждения в городе не было.

У больничных дверей Ивану Авдеевичу пришлось посторониться: два солдата-санитара несли на парусиновых носилках покойника, накрытого рогожей. Одна нога усопшего соскочила вниз и пяткой волочилась по земле, но до этого никому не было дела. В узком полутемном коридоре с низким деревянным потолком Самоваров почти столкнулся с Лисовским. Всклооченная куафюра полкового врача свидетельствовала о том, что он, видимо, совсем недавно снял головной убор и еще не успел привести себя в порядок.

– Вы, случаем, не ко мне? – глядя поверх очков на вошедшего господина, поинтересовался Максим Емельянович.

– К вам, доктор.

– Прошу, – лекарь провел следователя в маленькую ком-

натушку, отгороженную досками от основного помещения.

– Вы сами решили обратиться или по рекомендации? – не узнавая в пациенте вчерашнего знакомого, поинтересовался эскулап.

– Сам.

– Какие жалобы?

– Страдаю одышкой, хотя комплекция у меня, как и у многих других...

– Да что вы говорите, милостивый государь, – не дослушав надворного советника, перебил полковой врач. – Вот представьте себе, разразилась самая что ни на есть природная катаклизма: дождь проливной, ветер свирепствует, а по лужам идут двое. У них ни зонтов, ни калош, ни какой-нибудь приличной непромокаемой одежки. А путь-то долгий. Вот наконец пришли они домой. Оба чайком горяченьким да малиновым вареньицем побаловались. Легли спать. Наутро один здоров-здоровехонек и снова на службу отправился, а другой «кхе-кхе» – кашляет, чихает, и ничто ему уже помочь не может. Так болезный и упокоился навеки. А почему? Да потому, что у всякого организма собственная надобность имеется. Что одному во благо, то другому во вред. Может, его не чаем, а водочкой поить надо было? А? Кто знает? *Habent mortalia casum*, – подняв вверх все тот же палец с черным отбитым ногтем, заученно протараторил полковой лекарь.

– «Все преходящее подвержено случайностям», – перевел Иван Авдеевич.

– Да-да, верно-верно, – доктор смотрел на Самоварова поверх очков с некоторой растерянностью, тщетно пытаясь что-то вспомнить. Но, видимо, устав от бесплодных попыток, спросил: – Скажите, а мы с вами раньше нигде не встречались?

– Как же, Максим Емельянович. Вчера, в доме у полковника Игнатьева.

– Ах да, конечно же, помню, помню. Вы ревизор из Петербурга, так?

– Именно.

– Вы уж не обессудьте, запамятовал. Да и не удивительно – работы, знаете ли, невпроворот. Ну что ж, давайте приступим к осмотру – помнится, у меня было подозрение на... на...

– На грудную жабу, доктор. Да бог с ней... У меня к вам есть несколько вопросов. Да вы присядьте, господин Лисовский.

Услышав официальное обращение, врач поник, как догоревшая фосфорная спичка, сторбился и, кажется, стал меньше ростом. В его глазах мелькнул тусклый оттенок грусти, свойственный любому маленькому чиновнику, всегда знающему свое место. Он покорно опустил на стул, положил руки на колени и обиженным голосом тихо спросил:

– И какова же будет материя нашего разговора?

– Видите ли, Максим Емельянович, я хочу разобраться в одном чрезвычайно запутанном финансовом деле, и, по все-

му вероятно, вы могли бы мне помочь.

– Слушаю.

– В начале октября, как раз когда в Ставрополь прибыл фурштат из Тифлиса, в одном из складов случилась довольно крупная недостача. Тогда же из морга выносили трупы холерных... Скажите, вы руководили их дальнейшим погребением?

– Ну да, я.

– Я хотел бы просмотреть записи в соответствующем журнале.

– Извольте, – лекарь взял со стола толстую, похожую на амбарную, книгу, поплевал на указательный палец и стал быстро шелестеть страницами, отчего листы стали напоминать большую белую чайку с подрезанными крыльями, которая пыталась взлететь, но никак не могла. Остановившись, он показал нужное место Самоварову.

Ознакомившись, надворный советник спросил:

– Не могли бы вы припомнить, как далеко стояли госпитальные подводы от обозных телег?

– Практически рядом, в трех саженях.

– А где находилась обозная охрана?

– Как только солдаты увидели облитые известью телеги, они разбежались кто куда и вернулись только после того, как со двора уехала похоронная команда.

– Вы присутствовали на кладбище?

– Но какое это имеет зна...

– Вы присутствовали на кладбище? – ледяным голосом повторил вопрос Самоваров.

– Нет. Я, знаете ли, плохо чувствовал и послал вместо себя нашего фельдшера. Позже он мне доложил, что все шестнадцать тел погребены.

– Я бы хотел с ним пообщаться.

– Пойдемте, я вас проведу. Он, должно быть, в хирургическом зале.

Миновав несколько переходов, Самоваров оказался в другом крыле здания. Спустившись по щербатым ступенькам в полуподвальное, слабо освещенное помещение, они прошли несколько саженей и очутились перед дверью, из-за которой доносились пронзительные, душераздирающие крики.

– Это операционная. Подождите здесь, пожалуйста, – попросил Лисовский и прошел внутрь. В распахнувшемся на секунду узком дверном проеме взору Самоварова явилась ужасная картина: на выложенном плиткой полу лежал обнаженный человек, привязанный за конечности к чугунным кольцам, ввинченным в пол. Фельдшер и дюжие санитары держали несчастного за голову, руки, ноги, в то время как обер-лекарь Краузе в длинном окровавленном фартуке острой зубчатой пилой крошил белую кость голени несчастного. От увиденного Ивана Авдеевича стало слегка подташнивать, на лбу выступили капли холодного пота, а перед глазами побежали мелкие зловредные мошки – верный признак головокружения. Придерживаясь за стену, он поднялся по

ступенькам и быстрым шагом, пройдя все переходы, устремился на улицу. Свежий и прохладный воздух вновь привел Самоварова в чувство.

Через пару минут появился полковой врач в сопровождении высокого широкоплечего мужчины с пшеничными, слегка седеющими усами.

– Фельдшер Пархомов, Иван Лукич. Чем могу служить? – пробасил немолодой уже господин в длиннополом сюртуке и фуражке с отливающим черным блеском козырьком.

– Надворный советник Самоваров. Я хотел бы взглянуть на могилы солдат, кои были похоронены первого числа прошлого месяца. Не соблаговолите ли показать их?

– Конечно. До военного кладбища рукой подать, – указал вниз медик.

– Что ж, не будем откладывать.

Спустившись вниз с Крепостной горы, они вскоре достигли погоста.

– Вот они – скромные защитники Отечества. Подряд все шестнадцать могил. Ни пуля, ни кривая персидская сабля их не смогли победить, а проклятая чужеземная хворь одолела. Земля им пухом, – троекратно перекрестился Пархомов и поклонился.

– А скажите-ка, Иван Лукич, вы были здесь до самого конца?

– Да. Назад вернулся вместе с похоронной командой.

– А сколько было в ней человек?

– Кажется, восемь.

– Восемь, говорите? – проронил Самоваров и тут же принялся мысленно рассуждать: «Выходит, что первоначальная версия о том, что похищенный сундук оказался в одном из шестнадцати захоронений, кажется маловероятной, поскольку в таком случае соумышленниками кражи оказались бы солдаты, копавшие могилы, что вряд ли возможно. А что, если персидский сундук спрятали среди гробов под парусиной, а потом во время следования незаметно сбросили с телеги? Но и в этом случае пришлось бы что-то объяснять сопровождающим. Трудно представить, что преступники были среди могильщиков. Ну как могли эти необразованные, далекие от науки люди заранее изготовить поддельные печати и опломбировать купленный ими точно такой же сундук? Нет, это положительно невозможно! И что же? Значит, я снова вернулся к истокам расследования? Тупик? Ну нет... Надо бы обязательно встретиться с Латыгиным, время еще есть». Испытывая непонятное, смутное сомнение, Иван Авдеевич потянулся было рукой к жилетному кармашку, дабы удостовериться, который час, но вспомнил, что вчера подарил брегет Игнатьеву. «Вот и славно! Без часов как-то свободней и легче дышится!» – успокоил себя надворный советник.

– Это на следующий день, когда выносили еще пятерых, отрядили уже десять человек, чтобы поскорее управиться, – вдруг заговорил Пархомов.

– Так, стало быть, и на другой день хоронили? – встрепе-

нулся Самоваров.

– Ну да, трех холерных солдат и двух паломников. Только на этот раз на кладбище вместе с ними я уже не поехал. Почему-то сам доктор Краузе изволил сопровождать подводы.

– А что здесь удивительного?

– Да раньше никогда такого не случалось. Обычно этим занимался либо я, либо доктор Лисовский, но уж никак не главный врач гарнизона.

– А скажите, Иван Лукич, персидский обоз к тому времени уже покинул расположение части или еще оставался здесь?

– Как же! Они опять с нами столкнулись. Ведь морг как раз с этим соляным амбаром соседствует. Как только санитарные телеги подкатали, так их полковник сразу же выставил караульных у фурштата, а сам вместе с Рыжиковым отправился в интендантское управление.

– Вот, значит, какой реприманд вырисовывается, – задумчиво проронил Самоваров.

– Простите?

– Неожиданный, говорю, оборот дело принимает, – объяснил надворный советник. – Ну да бог с ним! Пора и обратно...

От каменных плит и деревянных крестов, опавших листьев и давно увядших цветов веяло прощением и покоем. Высокие морщинистые тополя, будто почтенные старики, махали на ветру сухими ветками-руками, прощаясь с посе-

ТИТЕЛЯМИ ВОИНСКОЙ ЮДОЛИ.

10

Рентерия

Величественное двухэтажное каменное здание Главного вещевого магазина Комиссариатской комиссии, ведавшей снабжением всей Кавказской армии вооружением, амуницией, продовольствием и денежными выплатами, было построено всего восемь лет назад и представляло собой длинное сооружение с галереями, вплотную примыкающими к еще сохранившимся старым складам.

Наиболее охраняемой его частью являлось казначейство с денежной кладовой – рентерией, где находился золотой и серебряный запас Кавказского войска и всей Кавказской области. От остальной части интендантского хозяйства она отделялась высокими деревянными воротами, охраняемыми караульным.

В тот момент, когда надворный советник уже подходил к ведомству Латыгина, ворота перекатисто загудели и навстречу выехали две телеги, груженные сундуками. В глубине двора главный казначей с высокомерным видом протягивал ладонь какому-то негодянту, который подобострастно раскланивался с военным чиновником. Завидев Самоварова, взгляд Латыгина померк, его плечи опустились, и, стягивая на ходу белую перчатку, он двинулся навстречу столичному инспектору, забыв о прерванном разговоре с купцом,

так и оставшимся стоять с полуоткрытым от непонимания ртом.

– Милости просим, Иван Авдеевич, – затараторил обер-комиссар. – Для таких гостей самовар всегда горячим держим... Пожалуйте сюда, а вот сейчас направо, – перебегая из стороны в сторону, суетился Латыгин, распахивая перед гостем двери и отдавая на ходу распоряжения денщику.

Пораженный богатством убранства кабинета обер-комиссара, надворный советник невольно остановился. Его внимание привлекли три большие картины в массивных золоченых рамах, изображающие батальные сцены римской истории. Люстра на пятьдесят свечей хоть и была изготовлена из поддельного венецианского стекла, а все равно казалась величественной снежинкой, высеченной изо льда. Стол из мореного дуба с ножками, выполненными в виде львиных лап, походил на мифическое чудовище, переносившее на плоской спине массивный письменный прибор – копию башен Московского Кремля. Высокое резное кресло с кожаной спинкой и подлокотниками больше походило на трон Людовика XVI, нежели на рабочее место скромного военного чиновника.

– Покорнейше прошу садиться, – Латыгин угодливо выдвинул из-за стола большущее кресло и предложил гостю.

– Да право же, неловко, – скромничал Самоваров, снимая цилиндр и скидывая плащ. «Кабинет командующего линейей – унылая солдатская палатка по сравнению с этой поис-

тине королевской роскошью», – мысленно отметил надворный советник.

– Нет уж, позвольте мне поухаживать. Перво-наперво чайку попьем, а уж потом о делах – такая вот у нас заведенция на Кавказе имеется. Хоть мы люди и окраинные, но человеческому пониманию не чуждые.

В мгновение ока денщик внес заварной чайник, небольшой кипящий самовар, чашки, блюдца, разного рода сласти и несколько видов сыра. При виде всего этого съестного благолепия Иван Авдеевич вдруг вспомнил, что как-то незаметно пропустил обед, и это угощение пришлось весьма кстати. Выпив чаю и отведав сайки из сдобного теста, Самоваров миролюбиво проговорил:

– Харитон Поликарпович, я не хотел бы излишне докучать вам расспросами, но некоторые обстоятельства мне все же придется выяснить, и без вашей помощи тут никак не обойтись. В частности, помните эту смешную историю, кою давеча поведала ваша супруга?

– Ну конечно. Вы имеете в виду того пьяного приказчика? – с наигранным безразличием произнес Латыгин.

– Приказчик, как вы понимаете, меня не интересует. Для начала мне надобно получить от вас список всех лиц, коим были переданы приобретенные вами сундуки. К тому же я обязан проверить, как в вашем ведомстве хранятся казенные ценности.

– Не вижу никакой трудности и готов к завтрашнему дню

вам сей список представить, – дрогнувшим голосом ответил казначей, нервно одергивая фалды форменного мундира.

– И все-таки я попрошу вас выполнить это прямо сейчас. Я подожду.

Следователь невозмутимо продолжал пить чай.

– В таком случае буду вынужден на время вас покинуть, – с ноткой легкой обиды вымолвил обер-комиссар и удалился.

Косые лучи холодного ноябрьского солнца отражались в стеклянных дверках напольных английских часов и, разбиваясь о золотистое покрытие маятника, скользили по изразцовой поверхности натопленной голландской печи, издающей треск еще не перегоревших поленьев. «Неужели это доктор Краузе? – вновь задавался одним и тем же вопросом Самоваров и никак не мог дать однозначного ответа. – Очень уж на него не похоже, хотя многое сходится: изготовление поддельных оттисков с помощью гипса, совпадение времени погрузки обоза и похорон. И почему наутро он сам отправился на воинское кладбище? Не царское это дело... да и одному без помощника никак не справиться. Во-первых, надо суметь каким-то образом отвлечь выставленного у обозной телеги караульного и, во-вторых, быстро поменять сундуки. А потом под видом гроба опустить его в могилу и засыпать, с тем чтобы позднее, когда все утрясется, откопать. В таком случае воров должно быть не менее трех – целая шайка-лейка получается. И кладбищенский сторож ничего не должен был видеть. Хотя с ним проще всего: можно спойти или под-

купить. Но в любом случае злоумышленниками должны бы-
ли оказаться либо служащие похоронной команды, либо пе-
реодетые в их форму люди. Довольно слабая version... И все-
таки – почему Отто Карлович решил сопровождать холерные
подводы?»

– Вот, Иван Авдеевич, прошу, – Латыгин передал листок.

– Да-да, премного благодарен, – Самоваров взял бумагу и
стал читать вслух, – дня... месяца... м-м-м... куплено сем-
надцать сундуков... кои под роспись получили: штабс-капи-
тан Рыжиков, поручик Рахманов, поручик Гладышев, доктор
Краузе. Остальные, ввиду выявленных неисправностей зам-
ков, в совокупном количестве тринадцать штук, отправлены
по месту закупки с возвратом прежней оплаты... А позволъ-
те узнать, кто такой Гладышев?

– Поручик Гладышев – казначей Навагинского полка.

– Ясно. Насколько я понимаю, сундуки предназначались
для хранения ценностей?

– В общем-то да. Всем вышепоименованным господам
офицерам и обер-лекарю они положены согласно их должно-
стям. Доктор самолично ведает поступлениями медикамен-
тов и для этого получает в моем ведомстве крупные суммы,
кои надо где-то хранить. Гладышев, как я уже объяснил, каз-
начей. А штабс-капитан Рыжиков, как полковой интендант,
закупает продовольствие. Рахманов же приобретал для ве-
щевойго магазина конскую упряжь.

– Я бы хотел лично удостовериться в правильности веде-

ния расходных книг сих офицеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.